

Улицы разбитых фонарей

Андрей Кивинов

Умирать подано

«Автор»

Кивинов А. В.

Умирать подано / А. В. Кивинов — «Автор», — (Улицы
разбитых фонарей)

© Кивинов А. В.

© Автор

Содержание

ПРОЛОГ	5
ГЛАВА 1	8
ГЛАВА 2	17
ГЛАВА 3	20
ГЛАВА 4	24
ГЛАВА 5	31
ГЛАВА 6	37
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Андрей Кивинов

Умирать подано

Автор категорически гарантирует, что при написании романа не пострадало ни одно животное и все изложенное – вымысел.

80-летию уголовного розыска посвящается.

ПРОЛОГ

Лето в Новоблудске выдалось позднее. Снег сошел только в мае, потом почти месяц поливали дожди, превращая разбитые за зиму городские магистрали в грязную кашу. Река Блуда, разделяющая город на две половины, пару раз выходила из берегов и затапливала первые этажи расположенных слишком близко домов. Наводнения были в Новоблудске делом обычным, как в Венеции, жители домов-неудачников с радостными прибаутками эвакуировались заранее.

Своей славной историей город уходил в конец прошлого века, когда царский геолог Степан Блудов по пьяни побился об заклад с графом Стропилиным, что найдет здесь нефть. При этом попросил профинансировать экспедицию, отдав в залог фамильное поместье под Санкт-Петербургом. Стропилин пари принял и дал денег, благо ничего не терял. Блудов снарядил команду и через три месяца привез Стропилину бутылку отличной, чистейшей нефти. Привез нелегально, а на ушко графу доложил, что месторождение, им открытое, – глубины невиданной и в Европе, по всем признакам, самое богатое. А нефть-то через лет пяток весьма ходовым товарчиком будет. И не хочет ли их сиятельство вложить имеющиеся у него свободные средства в наивыгоднейшее предприятие? Процентом пятьсот годовых ему как с куста обеспечено.

Граф был не лох, решил все увидеть собственными глазами. Прихватив для контроля знакомого ученого немца, вместе с Блудовым отправился к только что открытому месторождению. Прибыв в российскую глухомань, он увидел пару построенных на берегу реки временок и буровую вышку, приводимую в движение тощей кобылой.

Ученый немец, осмотрев местность, сделал пробы и замеры, подтвердил их сиятельству, что в недрах есть нефть. «Натюрлих, майн фройнд, натюрлих». Довольный граф вернулся в столицу, тут же оформил покупку земельного участка с источником и перевел на счет компании «Блудов без сыновей» приличную сумму для развития нефтяного бизнеса. Бизнес пошел в гору. Навестив через месяц месторождение, его сиятельство обнаружил уже целый поселок, несколько буровых вышек и счастливого Блудова, сидящего верхом на пегой лошадке и следящего за разработкой родных недр. В честь первооткрывателя поселок окрестили Новоблудском. В его же честь речку нарекли Блудой.

Отобедав с геологом, граф вернулся в Санкт-Петербург, радуясь, что ассигнации вложены не напрасно и через годик-другой можно будет прикупить дворец где-нибудь на Невском.

Но, как говорится, человек предполагает, а Бог располагает. Очутившись однажды волей случая в тех краях, Стропилин решил завернуть к Блудову и поинтересоваться, когда следует ожидать первых дивидендов. Но – о ужас! – кроме кобылы, блуждающей между застывшими буровыми вышками и пощипывающей травку, в Новоблудске не оказалось ни единой живой души. Спрашивать у кобылы, куда подевались Блудов и народ, было бесполезно, кобыла – животное глупое. Хоть и с большой головой, граф в срочном порядке вернулся домой, чтобы найти геолога и выяснить, почему не ведутся работы. Однако найти Степана не получилось – Блудов исчез вместе с компанией, а деньги со счета были переведены в какой-то прусский

банк. Поместье же, оставленное Блудовым в залог, представляло собой развалившуюся избу, огороженную плетеной изгородью.

Стропилин пригласил из университета знакомого профессора геологии и срочно попросил его сгонять в Новоблудск, оплатив все транспортные расходы и суточные. Профессор охотно выполнил просьбу графа, через месяц вернулся и доложил, что никакой нефти в Новоблудске и окрестностях не было и быть не может, зато есть весьма приличный коксующийся уголек, и ежели их сиятельство желает... Их сиятельство не желал. Граф решил забить стрелку немцу, но, как оказалось, тот отбыл на родину примерно в то же время, когда в Пруссию отбыли капиталовложения.

Обломившись с процентами, граф ударился в меланхолию и неделю пьянствовал, но вскорости забыл про беду и зажил себе в своем старом дворце. В конце концов, ассигнации он позаимствовал из царской казны, а с царем граф всегда договорится, царь ведь не бандит какой из сибирских лесов.

Блудова, конечно, объявили в розыск с санкцией на арест, но словить так и не смогли. Следы Степана теряются в сумерках истории, и что с ним произошло, ученые с уверенностью сказать не могут. По некоторым непроверенным данным, после революции по приглашению новых властей Блудов вернулся в Россию как стойкий борец с царизмом, но был расстрелян в застенках ВЧК, добровольно рассказав перед этим, где находятся экспроприированные им у Стропилина денежки. Денежек-то с учетом их удачного размещения за «бугром» скопилось прилично.

Что касается поселка, то он не погиб. В брошенных домах обосновались беглые каторжники, скрывающиеся от охраны революционеры, бродячий люд, занимавшийся на дорогах всякими шалостями, и прочая милая публика. При Советской власти сюда добавились недобитые враги народа и контрреволюционеры всех мастей. Поселок расширился, перекинулся на другую сторону реки, и к нему проложили железную дорогу. Репрессированная интеллигенция обнаружила здесь залежи медного купороса, готового к употреблению, и Новоблудск вскорости приобрел стратегическое значение. Угля, кстати, интеллигенция не нашла. За последующие несколько лет население города выросло почти в десять раз, в тридцатые годы он был переименован в Красноблудск, но после перестройки ему вернули историческое название.

Промышленным гигантом Новоблудск так и не стал, единственным представителем тяжелой индустрии был секретный завод по переработке медного купороса в ракетное топливо, да и тот к расцвету перестройки надежно встал. Тем не менее в трудную годину город не вымер и не опустел, потому что жители его очень быстро сориентировались в обстановке и вовремя поменяли призыв «Коммунисты – вперед!» на лозунг «Деньги вперед!». С деньгами в Новоблудске был некоторый дефицит, зато у всех имелись «бабки», а как известно, деньги и «бабки» – не одно и то же. Поэтому никто не митинговал, не бубнил и не требовал выплаты долгов. Хотя по большому счету в этом город мало чем отличался от десятков других «сити», разбросанных по необъятным просторам Родины.

В центре города, на привокзальной площади, возвышалась фигура вождя угнетенных масс. Вождь, отведя правую ногу назад, левой рукой указывал в сторону ближайшего гастронома. За эту позу новоблудцы окрестили памятник «футболистом». «Футболист» служил единственной скульптурной достопримечательностью города, поэтому в период расцвета демократии его не снесли по чисто эстетическим соображениям.

С приходом капитализма к архитектурному облику Новоблудска добавились ларьки, рекламные плакаты и тумбы, шопы и супермаркеты, но, к сожалению, не убавилось грязи, луж и рытвин на дорогах – позорного наследия социализма.

Когда человек, первый раз приехавший в Новоблудск, ступал ногой на привокзальную площадь, его тут же окружала вниманием бесхозная детвора, прося подать на хлебушек и «Орбит» от кислоты. Если человек от неожиданности терялся либо слишком долго искал

«на хлебушек», к нему подваливала детвора постарше и побольше, иногда небритая. Приветствуя гостя дружеским похлопыванием по плечам, небритые мальчики спрашивали: «Тебе что, падла, детям на хлебушек жалко? У нас в городе все лучшее – детям».

Накормив голодных детей, человек делал второй шаг и попадал в Новоблудский Диснейленд – тусовку лохотронщиков, шулеров, крутильщиков и гадалщиков. Ознакомившись с аттракционами, гражданин изрядно терял в весе и третий шаг делал практически налегке. Теперь ему открывался комплекс сервисных услуг – такси до центра со скидкой, комната в центре с суперскидкой, девочка-люкс просто даром. От столь выгодных предложений перехватывало дыхание, клиент быстро соглашался и в итоге оставался с этой самой скидкой, на которую можно было купить разве что обратный билет с рук – как потом выяснялось, фальшивый.

Гость, прибывший в город на персональном транспорте, перед самой табличкой «Новоблудск» нарывался на полосатый шлагбаум и суровых мужичков в камуфляже и красных железнодорожных фуражках. Случайный прохожий мог стать свидетелем любопытного диалога:

– Стоять. Вы как к нам ехали? Через Украину? ^{note 1}

– Да.

– Тогда сорок долларов за транзит.

– А если не через Украину?

– Тогда не надо.

– Значит, я ехал не через Украину.

– Тогда проезжай.

Заповеди «Лохов бояться – в долг не брать» и «Лоха кинуть не грешно» бережно передавались из поколения в поколение и неукоснительно соблюдались в быту.

Новоблудск подарил Родине трех воров в законе, двух маньяков, одного депутата Государственной думы, рок-группу «Мочить» и автора бестселлера «Кровь из носа» Альберта Рыхлого.

Управлял городом избранный народом мэр, использовавший для своей предвыборной кампании, как поговаривали недобрые языки, вы-

пучку от благотворительных лотерей и добровольные пожертвования коммерческих структур в фонд «Новоблудские сироты», проще «общак». Впрочем, возможно, эти слухи в бессильной злобе распускала проигравшая сторона, а мэр служил Новоблудску на идейных началах, верой и правдой. Срок его идейного правления истек в июле, что грозило городу политическим шоу с привлечением всех видов художественной самодеятельности. Воля народа находилась в опытных руках.

К началу описываемых событий все радиостанции обещали затяжные дожди и грозы, однако с утра на всей территории Новоблудска палило солнце...

ГЛАВА 1

– Теперь самое главное... – Шеф снял очки, бросил их на пачку свежих сводок и обвел присутствующих в кабинете обжигающим, взрывоопасным взглядом.

Те, кто хорошо знал привычки начальника райотдела, догадались, что сейчас Виталий Андреевич Вдовин действительно выложит самое главное и, вероятно, не самое приятное, хотя после разгона, устроенного им за последние часы, мало кто мог предположить, какие претензии он припас на посошок.

Начальники отделов, служб, заместители и заместители заместителей, капитаны, майоры и подполковники, уткнувшись в свои рабочие блокноты, подняли глаза и напряженно замерли в ожидании последнего слова.

Встрепенулся даже руководитель милицейского автохозяйства, приглашенный сегодня на утреннее совещание и нечаянно уснувший, пригревшись у батареи. Казалось, «все главное» было уже сказано. Хреновые результаты проведенного накануне рейда, обвальная детская преступность, нерациональное планирование рабочего времени, бардак в сводках и прочие не менее важные проступки. Подчиненные неубедительно оправдывались, пытались перевести стрелки на других. Более опытные не переводили и не оправдывались – молча соглашались, разводили руками и украдкой поглядывали на огромные настенные часы.

– Так вот, – Виталий Андреевич немножко замешкался, кашлянул в кулак, как бы собираясь с мыслями, и наконец громовым голосом выдал:

– В конце концов, черт возьми, сколько можно напоминать, что в сортире после себя надо спускать?! Неужели трудно дернуть ручку?! По коридору не пройти – не райуправление, а конюшня! Сами же нюхаем! Мне что, выговорешниками вас учить?! Все, свободны, давайте по рабочим местам!

По перепаду в голосе шефа все поняли, что посошок идет от сердца и в силу этого заключительная часть выступления действительно главная. Рейды рейдами, планы планами, а по коридору каждый день ходим. Пару раз пройдешь, и детская преступность тебя больше не заботит.

– Юрий Сергеевич, задержитесь, – Вдовин кивнул на стул начальнику отдела уголовного розыска Громову.

Громов, мужик сорока с небольшим лет, с темными кругами под глазами, оставшимися после суточного дежурства, но с чисто выбритым подбородком, вернулся и присел на указанное место.

Он молотил в районе давно, лет пятнадцать, занимая руководящие должности, но не являясь при этом карьеристом, как можно было бы подумать, заглянув в его личное дело. Юрий Сергеевич относился к той категории сотрудников, в которых способности к управленческой деятельности заложены самой природой, и кресло свое занимал по призванию, а не благодаря карьере. Многие его коллеги, не один год пропахав в качестве рабочих пчел и потом получив портфель, быстро слетали, не удержавшись в кресле. Что и понятно, здесь было недостаточно одного знания азов – ценились прежде всего способности политика, стратега, психолога. А к тому же Громов был просто порядочным мужиком, смотревшим на вещи с позиций здравого смысла, которого в системе Министерства внутренних дел становилось все меньше и меньше, а значит, фигура начальника уголовного розыска становилась все более и более неудобной. Нервотрепки делали свое созидательное дело, за последний год Громова дважды прямо из кабинета увозила «скорая», но до пенсионного возраста оставался целый год, и приходилось терпеть, зарабатывая гарантированный кусок хлеба к старости.

Вдовин расстегнул китель, подошел к аквариуму с единственной выжившей рыбкой, достал корм, бросил щепотку на поверхность воды. Рыбка лениво подплыла к угощению, но тут же, передумав завтракать, скрылась в траве.

– Ну и пошла ты... – Виталий Андреевич бросил коробочку и вернулся за стол. – Жить захочешь, сожрешь.

– Мяса надо, – подсказал Громов.

– Нет мяса... Так, Сергеевич, за вчера что-нибудь появилось?

Громов пожал плечами:

– Да откуда? С крыши, что ли, упадет? Дай Бог, обход закончим целиком да свидетелей найдем. Сейчас на объем вся работа. История скандальная, докладывать и оправдываться будем часто и долго, так хоть не с пустыми руками на ковер выйдем.

– Можешь не объяснять. Персоны VIP, будь они... Вот, почитай, – Виталий Андреевич извлек из стола свежий номер газеты и протянул Громову, – началось уже. Резонанс, версии. Все, мать их, на политику переведут. Бабу в подъезде прибьют из-за пенсии, так никакого резонанса, никаких газет, а здесь устроили фейерверк... А иная бабка в сотню раз больше уважения заслуживает, чем этот... Журналисты независимые, паппарацци херовы. Вся их независимость до первого расстройтва желудка.

Продолжая ворчать, Вдовин вновь поднялся и направился к голодной рыбке. Юрий Сергеевич развернул газету и прочел указанную заметку под броским заголовком «Уходя, гасите всех».

Статья была посвящена совершенному три дня назад убийству господина Салтыкова, крупного чиновника из окружения мэра. Леопольд Степанович, так звали погибшего, хотя и не имел официальной приставки «вице», но несомненно играл несколько ведущих партий в оркестре исполнительной власти. Само по себе убийство чиновника такого ранга способно наделать много шума, а если добавить к этому ряд событий, произошедших накануне, то станет очевидным, почему к расследованию дела проявлялось столь пристальное внимание.

Предстоящие в недалеком будущем выборы вовлекали в гонку все новых лиц, любое маломальское событие могло трактоваться в выгодном тем или иным кругам свете и, конечно, использоваться в собственных интересах. Что, впрочем, характерно для любой политической интриги в любом цивилизованном обществе. Но поскольку российское общество до конца цивилизованным назвать все-таки стремно, то и методы политических разборок были в большинстве своем стремные. Из чужих кроватей и саун, ресторанов и ночных клубов выползал компроматик, до нужного времени прятаящийся под замком; обретали смелость независимые журналисты; возбуждались показательные уголовные дела; денежными таранами пробивались двери кабинетов, а контрольными выстрелами – черепа. Короче, создавалась нормальная рабочая обстановка.

Именно в такой обстановке на территории райотдела, возглавляемого полковником милиции Вдовиным, и случилась неприятность с Леопольдом Степановичем Салтыковым. Последний третьего дня был найден в собственной квартире с пулевым ранением головы и, соответственно, со всеми признаками кончины. Нашла покойного жена, вернувшаяся из двухнедельного тура по Европе и крайне недовольная тем обстоятельством, что ее не встретили на вокзале, как было условлено. Горя желанием устроить скандал с, как минимум, битьем посуды, она поймала такси, примчалась домой, открыла дверь ключом и с горечью поняла, что скандал сорвался. Леопольд Степанович без посторонней одежды – в смысле совсем без одежды – лежал на супружеском ложе, обнимая подушку, через которую и был произведен выстрел.

Супруга, поголосив для приличия, обратилась в государственные учреждения, набрав на телефоне «03» и «02». «03» развело руками и удалилось. «02» осталось с полным набором соответствующих мероприятий. Квартиру в порядке живой очереди навести человек пятьдесят, каждый смог насладиться чудесной обстановкой четы Салтыковых, а кое-кто даже

вынес пару вещей на память. Супруга, возможно, пожалела, что обратилась в компетентные органы, ибо органы, несмотря на кажущуюся неуклюжесть, были все-таки компетентными, а первая версия при раскрытии любого преступления гласит: «Кто преступление обнаружил, тот его и совершил». Жена тут же отправилась на трое суток в изолятор временного содержания, где существенно расширила кругозор, сравнивая местный комфорт с комфортом европейского отеля. Пока она занималась этим, сыщики проверяли, действительно ли она прибыла из Европы, действительно ли добралась на такси и действительно ли скорбит об утрате. Все подтвердилось, кроме последнего. Вдова по Леопольду Степановичу не убивалась.

Медик установил, что смерть наступила в результате пулевого ранения головы из настоящего пистолета пару дней назад. Криминалисты отыскивали на итальянской мебели отпечатки женских пальчиков, а жена перед отправкой на нары успела обнаружить пропажу кое-каких вещичек, в том числе подаренного ей ко дню рождения фарфорового сервиза «Рафаэль». Мгновенно закрутилась машина розыска по горячим следам, в районные подразделения полетели ориентировки, был создан штаб, поселившийся в ленинской комнате местного отдела милиции, прибыли приданные силы, внесшие еще больше сумятицы. «Силы», чтобы не крутились под ногами, тут же отправили на обход жилмассива ловить свидетелей. Дальше все пошло по трафарету – планы, отчеты, сводки, короче, бумага.

Версию ограбления средства массовой информации мгновенно отвергли. Чиновник такого ранга не мог быть ограблен, выражаясь модным языком, «по определению». Он мог быть только убит по заказу с дальнейшей инсценировкой налета. В милицейских же кругах гипотеза с ограблением, наоборот, выдвигалась на первое место, что вызывало бурю негодования в прессе: «Сейчас найдут козла отпущения и прикроют дельце!»

Так или иначе, но ни козлом, ни настоящим убийцей даже не пахло. Пахло, как заметил Вдовин, только из милицейского сортира в конце коридора.

Однако кое-какую характеристику на Леопольда Степановича за истекшие трое суток получить все же удалось. Пока основанную по большей части на слухах и сплетнях, в протоколах допросов не фиксируемых, ибо, как и в большинстве аналогичных убийств, источники информации отнюдь не спешат занять очередь в следственные кабинеты для правдивого рассказа. А если что и расскажут, то по большому секрету, с глазу на глаз, без записей. Вся же надводная часть чистосердечно заносится на бумагу, подписывается и подшивается в уголовное дело, прочтя которое, можно сделать вывод, что какие-то подонки отправили на тот свет второго Христа, любимца народа или, на худой конец, борца за счастье негров.

До прихода во власть Леопольд Степанович боролся за всеобщее счастье в кресле директора крупного предприятия, занимавшегося строительством «пирамид» из добровольных взносов физических и юридических лиц. Когда «пирамиды» достигли критической высоты и стали видны из кабинетов налоговой полиции, Салтыков с тяжелой ношей на душе и в кармане покинул кресло директора, сменив его на чиновничье – более недостижимое для полицейских и публики, так и не дождавшейся обещанного счастья.

Перемещению помогли верившие в Салтыкова товарищи из мэрии, не без участия и поддержки которых он в свое время начал благородное пирамидное движение.

Спустя неделю после торжественного въезда в новый кабинет главного бухгалтера оставленного предприятия нашли застреленным в подъезде. На что Леопольд Степанович горестно заметил: «Вот и занимайся бизнесом после этого».

Через год в городе сменилась власть, но борец за счастье остался на своем боевом посту. По каким причинам, сказать было сложно – либо имел покровителей в Москве, либо успел доказать свою преданность новой администрации.

Кресло чиновника в мэрии открывало новые горизонты для старых замыслов. Прежде всего благодаря появившимся связям. Обладая широкой, где надо, натурой, экс-предприниматель оброс нужными связями быстро и умело. Приставка «экс» сильно расстраивала Лео-

польда Степановича, поэтому он факультативно, исключительно из соображений ностальгии, владел десятком-другим фирм у нас и не у нас. Разумеется, без записи в трудовой книжке – чиновникам, к несчастью, не рекомендуется совмещать службу народу с ностальгией подобного рода. Фирмы преуспевали – держась за руль власти и обладая доступом к новоблудскому бюджету, Салтыков успешно обходил рифы и мели. Процветание вполне могло не нравиться конкурентам, не имевшим поддержки сверху, вследствие чего Салтыкова и устранили. Тем более что сферы коммерческой деятельности чиновника были весьма аппетитны для криминальных ртов. Бензин, водка, строительство...

Статья перешла на другую полосу, Громов перевернул страницу.

«За что ж и кто убил чиновника из мэрии? Ответит ли следствие на эти вопросы? Вряд ли. Как показали предыдущие годы, ни одно убийство подобного рода раскрыто не было, потому что никому не надо поднимать ил со дна и мутить воду. Мы провели собственное журналистское расследование, и вот что удалось установить.

Две недели назад в город прибыла следственная бригада Генеральной прокуратуры для проверки ряда сигналов, поступивших в центр, о фактах коррупции в администрации Новоблудска. Сигналы касались в том числе и покойного, чья истинная роль в правительстве города теперь может так и остаться загадкой. По данным, полученным из определенных кругов, Леопольд Степанович Салтыков играл роль «серого кардинала» Его величества. И при бывшем величестве, и при настоящем. Серые кардиналы нужны любому правителю, даже сказочный Карабас-Барабас не мог обойтись без услуг некоего Дуремара, подрабатывающего помимо ловли пиявок стукачеством и выведыванием всякого рода тайн про ключики, дверцы и клады. За что получал дополнительную корочку хлеба.

Но вот вопрос – не имел ли случайно господин Салтыков белой папочки с голубой тесемочкой, в которой хранил секреты самого хозяина-короля? Ведь нынешний король когда-то служил в свите предыдущего монарха. И стал бы кардинал молчать, попав в сети прокурорской бригады? И не хотела ли прокуратура найти у него именно эту папочку? Увы, ныне это весьма затруднительно. Бригада опоздала ровно на сутки – Леопольда Степановича «чисто случайно» застрелили именно накануне назначенного у него обыска. Не подтверждает ли разгром в квартире, что убийца искал ту самую папочку, вовсе не интересуясь личным имуществом чиновника?

Я думаю, будет очень трудно получить ответы на все эти вопросы. Убийство Салтыкова – прямое следствие агонии нынешней администрации, стремящейся во что бы то ни стало удержаться у власти, не брезгующей при этом самыми грязными средствами. А если удержаться не получится, то никаких материалов для последующих разоблачений остаться не должно. Уходя, гасите всех!»

Финал статьи был обильно удобрен зычными терминами «коррупция», «беспредел», «мафия» и «бандитизм».

«Еще раз мы можем убедиться, что решающим аргументом в нашем обществе является пистолетный выстрел или удар ножом из-за угла. Власть, порождая преступный беспредел, сама этот беспредел и использует... Можно ли поймать собственную тень? Будут ли найдены настоящие убийцы? Мы ждем...

Артем Карасев».

– Ну и что? – Громов свернул газету и положил ее на стол. – Обычная заказная статейка. «По данным, полученным из определенных кругов...» Херня это все на масле «Рама».

– Но генпрокуратура действительно работает в городе, и более того, работает с установкой – накопать на мэра. Вероятно, в Москве его фигура нравится далеко не всем.

– Да нам-то какая разница, по большому счету? Раскрывать мокруху все равно придется. Фактов о том, что Салтыков действительно располагал «компрой» на главного, этот Карасев не привел, так, игра слов. Кардинал, папочки всякие... Газетчиков понять можно – кость бросят

и ждут реакции. Завтра напишут, что Леопольд трахнул Клаву Шифер, так что ж нам теперь, фокусника Копперфильда колоть?

Рыбка в аквариуме легла на грунт и замерла, словно уснув. Вдовин постучал пальцем по стеклу.

– Тот, кто заказал статью, имел вполне конкретную цель – придать делу чисто политический окрас, – чуть помолчав, сказал он. – Теперь от нас потребуют копать и в этом направлении. Копать и, соответственно, отчитываться. А всякие Артемы Карасевы будут стоять рядом, чтобы тут же доводить до публики результаты. Судя по тому, что он знал про обыск, информаторы у него хорошие.

– По-моему, вы все усложняете, Виталий Андреевич, будем рыть в тех направлениях, которые выберем сами, а газетчики что хотят, то пускай и пишут.

– От прессы нынче отмахнуться тяжело. Поверь, найти убийцу после этой публикации будет гораздо сложнее. У него теперь есть очень неплохая версия... Идиотское положение – если папочка действительно была и убийство произошло из-за нее, нам будут мешать одни, если же все это бредни, поднимут лай другие. Мне это напоминает скандал в коммуналке – две семьи не могут поделить унитаз, но виновата во всем милиция... По обходу нашли что-нибудь?

– Пусто. Два квартала прочесали, не до конца, конечно, многих дома нет. Никто не видел, чтобы из подъезда Салтыкова выносили вещи. Вещичек, кстати, много пропало, в том числе и крупногабаритных – телик, музыкальный центр... Видимо, ночью работали.

– Он всегда голый спал?

– Со слов жены, по-всякому. Вообще мужик не дурак был кобельнуться. Падок на бабенок. Это его третья жена. Да, чуть не забыл, от нас еще трех оперов в группу эту требуют. Ну где мы народ возьмем? И так всю землю оголили, заявки принимать некому, а грабежи сыплются один за другим. Позвоните, что ли, в Главк – нет у нас людей.

– Людей нигде нет. Отправим участковых.

– Участковых тоже нет.

– Ладно, разберемся... Что Главк еще наметил? Кроме как людей требовать?

– Как всегда. Задания агентуре, проверка судимых, отработка сигналов...

– Я по существу спрашиваю.

– По существу ответить не могу, план не писал. Наша задача – обход.

– Хорошо, иди отдыхай... Если по Салтыкову что появится, сразу доложи... Вот черт, что такое?'

Вдовин взял маленький сачок и помешал воду в аквариуме.

Рыбка медленно перевернулась и всплыла на поверхность кверху брюхом.

– Последняя сдохла! Ты посмотри, за неделю шестая. Кормлю ведь, ладно б забывал! Кислорода, может, не хватает или света?

Громов подошел к аквариуму, сочувственно взглянул на только что представившуюся гуппи.

В аквариумах он разбирался гораздо хуже, чем в оперативно-розыскной деятельности, зато последняя научила его «зреть в корень», безошибочно находя причину тех или иных явлений. С рыбки взгляд переместился на столик, где лежал пакетик с кормом.

– Вы их этим угощаете? – Юрий Сергеевич с удивлением взял пакетик в руки.

– Ну да! Верку попросил сухого корма купить. А что, плохой корм? – Виталий Андреевич взял со своего стола очки.

– Ну как сказать... «Сухой суп „Новоблудский аромат“. Для приготовления высыпать содержимое в кипящую воду и помешивая варить в течение 15 минут. Соль и перец добавить по вкусу». Виталий Андреевич, вы кипятильник в аквариум забыли сунуть. И поперчить.

– Какой аромат? Вера! – Вдовин выхватил у Громова мятый пакетик и поднес к глазам.

В кабинет заглянула взволнованная секретарша, жизнерадостная толстушка средних лет.

- Слушаю, Виталий Андреевич?
- Ты что рыбам купила? – шеф потряс пакетиком.
- Рыбам? Я думала, это вам. Вы ж сухого корма попросили. Я и решила, что вам суп в пакетиках нужен. Купила самый лучший, его даже по ящику рекламируют во время сериалов.
- Лучший?!
- Да, наш комбинат производит.
- А почему иероглифы на обороте?
- Может, на экспорт в Китай идет. Вам не понравился? Хорошо, я куплю другой.
- Возьмешь этот «аромат», сварить и съешь в обед. Я проверю! Перед тем как есть, вызовешь реанимационную бригаду. – Вдовин протянул секретарше пакетик.
- Когда Вера покинула кабинет, шеф раздраженно пробубнил:
 - Аромат новоблудский... Мать етицкая. Все самому приходится делать. Где у нас зоомагазин?
 - Если честно, не знаю. Если бы там кража была, тогда знал бы. В справочнике «Весь Новоблудск» посмотрите.
 - Ладно, ступай. Насчет людей я позвоню. Юрий Сергеевич взял со стола свою рабочую папку и скрылся за дверью.

- Мочи, мочи его!
- Черт, патроны кончились! Прикрой меня! Вон он, вон, справа!
- Вижу, не дергайся, сейчас сделаем! Оба!
- Молоток, попал! Осторожней, под лестницей еще один. Стреляй, стреляй же!
- Погоди, дай прицелиться получше. Куда он, красавец, денется?
- На крыше третий! Он из «калаша», похоже, поливает. Бля, зацепил меня!
- Ложись! За бочку падай!
- Да будешь ты стрелять, в конце концов?! Взял «пушку», так стреляй!
- У меня тоже патронов в обрез! Чего орешь-то?
- А фигли? Промазал, блин! Не умеешь стрелять, не стреляй! Все, я убит!
- Я тоже. «GAME OVER».
- На войне как на войне, – оперуполномоченный криминальной милиции Коля Гришин положил световой пистолет от изъятой у наркоманов игровой приставки «Денди» и записал в блокнот количество набранных очков. – Обидно, Макс, почти до конца уровня дошли.
 - Если бы ты не промазал, наверняка дошли бы.
- Колин сосед по кабинету, само собой, тоже оперуполномоченный той же криминальной милиции Максим Кравченко, нажал кнопку сброса, выключил питание и плюхнулся на диван.
 - Может, еще разок?
 - Надоело. У меня через пять минут люди будут. Блин, ответ же в управу не отослан. По этому Салтыкову. Давай-ка набросай быстренько.
 - Сегодня твоя очередь.
 - У меня люди вызваны, говорю! В следующий раз я за тебя отстреляюсь.
- Коля порывлся в бумагах, разбросанных по столу, нашел мятый лист и, разгладив, положил его справа от себя. На листе была изображена форма ежедневного отчета о работе по раскрытию убийства гражданина Салтыкова.
 - Так, проверено на причастность... Скольких мы проверили?
 - Ты ж записывал.
 - Ну да, – Гришин заглянул в блокнотик, куда за несколько минут до этого внес результат стрельбы по компьютерным ковбоям. – Двадцать два очка, тьфу, человека.

- Пиши.
- Двадцать два. Отлично. Дальше. Раскрыто Других преступлений... Сколько раскрыли?
- – Парочку где-то. Совсем зарываться не будем.
- Записал. Дальше...

Успешно используя данные игровой приставки «Денди» и собственную оперативную сметку, молодые детективы быстро отчитались за трудовень.

Внеся красивым почерком цифры в предусмотрительно отксерокопированный бланк, Николай отправился в пешеходную прогулку до дежурной части, заслать факсом в управление свежережденный отчет.

Гришин с Кравченко были ровесниками, обоим натикало по двадцать одному – пик житейского опыта, рассудительности и половой зрелости. За спинами обоих остались десять классов школы и три года средней Новоблудской академии милиции. В Новоблудске имелась только средняя академия милиции, просто академия не полагалась по статусу. За пару месяцев, что выпускники отработали на земле в отделе, они сумели доказать, что их жизненный опыт находится на вполне достаточном уровне, а знаний, полученных в академии, вполне хватит для обеспечения нужных Родине показателей. Были, конечно, и досадные срывы, но кто ж из нас не ошибался?

Коля, например, когда в отделе кадров его попросили сфотографироваться на «ксиву» – удостоверение, на следующий день притащил полароидный снимок, на котором был запечатлен сидящим в кресле с белой болонкой на руках. Над головушкой младшего лейтенанта милиции висел плакат «Мумий Тролля», а сам главный персонаж снимка был облачен в черный пиджак на голое тело. Хорошо хоть без погон.

В отделе кадров к выпускнику отнеслись с пониманием, осторожно объяснили, что звание «младший Мумий Тролля милиции», к несчастью, не существует, и предложили сняться по новой, согласно нормативу. Увидев норматив, Коля расстроился, но фотографироваться пришлось: красные корочки позволяли бесплатно кататься в автобусе и ходить на ночную дискотеку в дом культуры.

После этого кличка «Мумий Тролля» намертво прицепилась к Гришину.

Кравченко тоже получил достойное прозвище – Безумный Макс. Не потому, что походил на крутого Мела Гибсона из одноименного фильма, а потому, что действительно был без ума. Как и напарник, он успел проявить себя на ниве детективной службы. Справедливости ради надо отметить, что действовал он от чистого сердца, горя желанием самоутвердиться и заслужить авторитет. Для начала Кравченко решил поймать какого-нибудь сексуального маньяка. Фильм «Молчание ягнят» был его любимым, и он постоянно цитировал реплики главных героев. И вот как-то вечером, возвращаясь с ужина в отдел, маньяколов заприметил в кустах подозрительную личность мужского пола. Личность, с опаской озираясь по сторонам, застегивала ширинку, что и позволило Максиму правильно сориентироваться и усмотреть в личности сексуала. Мысль, что товарищу приспичило отлить, не смогла найти места в охваченном азартом мозгу оперуполномоченного.

По-ковбойски выхватив из поясной кобуры пистолет и широко раздвинув ноги, Макс прицелился в голову «маньяка» и сурово выдал:

– Руки в гору, работает НУР, ты есть арестованный!

«Маньяк», может, и не понял, кто такой «НУР» я где он работает, но руки на всякий случай поднял. Держа задержанного на мушке, Кравченко довел его до крыльца отдела. На крыльце до мужика наконец доперло, что его привели в ментуру, – испугавшись штрафных санкций, он решил смыться к чертовой матери. Спрыгнув с крыльца, мужик резко рванул к кустам шиповника, окружающим отдел. Макс лязгнув затвором «Макарова» и метнулся следом.

– Врешь, не уйдешь!

«Но, видно, не судьба была пули мне отвеживать...» Прямо за кустами маленькая старушка выгуливала большого ротвейлера. На «маньяка» ротвейлер среагировать не успел, зато успел среагировать на сотрудника НУРа. Ей, собаке, по большому счету плевать, кого кусать – что маньяк, что мента, – она, гадина, в «ксиву» не смотрит, она, сволочь, на бегущую задницу реагирует

Через секунду Максимовы брюки затрещали и месте приложения собачьих челюстей. Кравченко, услышав треск, развернулся, пнул ротвейлера и пальнул «на ошупь». Темнота не дала возможности сделать прицельный выстрел, пуля ударилась об асфальт, от ricoшетила и умчалась в сторону родного отдела. Грохот выстрела напугал животное, и оно, помахивая коротким хвостом, убежало доложить хозяйке о происшествии.

Но происшествие на этом, к сожалению, не закончилось. Та самая умчавшаяся пуля угодила в ногу дежурного, вышедшего на крыльцо покурить. Успев проорать: «Шухер! Наших бьют! Чечены в городе!», дежурный рухнул. На злополучное крыльцо выскочил помощник с автоматом у бедра и, заметив направление указательного пальца раненого товарища, открыл ураганный огонь по кустам.

От героической смерти Макса спасло дерево, росшее за кустами. Старушка умчалась после первых звуков канонады, «маньяк» вообще не понял, что происходит, а влюбленные, слава Богу, в кустах не целовались. Короче, обошлось без жертв, если не считать выбитые автоматной очередью стекла в находившемся рядом с отделом коммерческим магазине. Однако от коммерсантов никаких жалоб не поступило, менты являлись их «крышей», а жаловаться на «крышу» самой «крыше» совершенно абсурдно и не правильно.

Стрельбу списали на убежавшего «маньяка», у Макса временно отобрали пистолет, а дежурному выписали премию на лечение ноги. К сожалению, раскрыть какое-нибудь преступление молодому пополнению пока не удалось, но ребята не унывали – будет и на нашей улице маньяк...

Коля Мумий Троль отправил факс и вернулся в кабинет.

– Да, хорошо бы этого Салтыкова раскрыть, прикинь? Нас бы сразу в Управу перевели, а то надоело в мелочевке ковыряться да отчитываться с утра до вечера.

– Ага, там не тут. Все, пора до дому, люди ко мне не пришли, завтра снова вызову.

– Что за люди-то?

– Хрен его знает. Позвонил опер с соседнего отдела, сказал, что два друга каких-то хотят у нас на земле «хату» антиквара одного выставить. Вот я их и вызвал, чтобы мозги прочистить. Не самому ж за ними бегать, согласись. За сто баксов в месяц пускай министр бегают. За эти «бабки» я только на работу приходиться должен. Ну что, готов?

– «Браслеты» берем?

– Конечно. Не на трамвае же ехать. Молодые нуровцы освоили довольно удобный способ избегать поездок на общественном транспорте, и никто теперь не мог заявить, что у них отсутствует оперативная смекалка. Сцепившись наручниками, друзья выходили на дорогу и голосовали. Когда рядом тормозил частник, один предъявлял «ксиву» и говорил примерно следующее: «Мужик, я из милиции, бандюгана поймал, помоги до отдела доставить, тут рядом, километров двадцать».

Мало кто отказывал, мент ведь мог запомнить номер и слить в ГАИ, чего не хотелось. Поэтому подвозили. Добравшись до места, коллеги выходили, расстегивались и разбежались по домам, благо жили неподалеку друг от друга. Бандита обычно играл Мумий Троль, имевший характерную для этой прослойки населения внешность. Но после небольшого промаха решили меняться ролями.

Месяц назад рядом с ними остановился джип, из которого выглянул бритый детина. Макс по привычке светанул «ксивой», кивнул на «арестованного» и попросил подкинуть. Детина

ухмыльнулся, вывалился из джипа и вдруг резким справа заехал Максимке в челюсть. Макс ухватило.

Детина же расплылся в улыбке и похлопал Колю по плечу: «Давай, братан, ищи у него ключи и вали к черту, мусорок полчаса точно пролежит».

Пролежал мусорок значительно больше. Полчаса в тот день и неделю после на больничном со сломанной челюстью. Зато появился опыт – теперь, прежде чем представляться, мусорки оценивали машину и водителя.

В коридоре их догнал дежурный.

– Хлопцы, с теткой потолкуйте. Велик у сына ейного дернули. Возле магазина.

– Не фиг оставлять без присмотра. В вечер Плахов, а мы отработали.

– Да пропал где-то Плахов, выручайте, мужики.

– Степаныч, ну что ты такой волнительный? Велик уже уехал, догонять поздно. Пускай тетка сидит и ждет, раз прошляпила.

На улице, перед тем как достать наручники, Коля проворчал:

– Затрахала мелочевка. В Управу надо скорее, в Управу...

ГЛАВА 2

– Сегодня мне стукнуло сорок, – старший оперуполномоченный Игорь Плахов, почесав под мышкой, повернулся к водителю «уазика». – А вчера – всего тридцать пять человек. Прогресс. Серега, сейчас направо, территорию не знаешь ни фига.

– Я на рынок заверну, колодочки посмотрю. Здесь дешевле. Марамои, запчастей не дают, на свои приходится покупать. Завтра техосмотр, а тормоза ни в жопу.

– Ты гляди, у нас заявочка висит.

– Ходите пешком, если умные такие. Завтра вообще без колес останетесь.

Машина свернула с основной трассы в «рукав» и притормозила возле деревянного забора, ограждающего автомобильный рынок Новоблудска.

– Мужики, минут десять, не больше... – Водитель выскочил из машины и направился к центральному входу.

– Хорошо.

Рынок располагался на территории бывшего стадиона. Стадион стал бывшим после того, как Футбольный клуб второй лиги, новоблудское «Динамо», уличили в проведении договорного матча и дисквалифицировали на три года. Администрация, дабы стадион не пустовал, разрешила организовать здесь автомобильный рынок. На одной половине поляны торговали собственно автомобилями, в основном поддержанными, на второй – запчастями, в основном ворованными.

– Давай курнем.

Плахов вышел из машины, предлагая сделать то же самое сидящему сзади молодому участковому Димке Телегину.

Тот последовал примеру, достал пачку болгарского «Опала».

– Слышал, Димыч, что на рынке-то делается? – Игорь затыкнулся и кивнул на забор.

– Не... Обвешивают, что ль?

– Отстреливают. Мужичков убивают. Уже третий случай по городу. Мне вчера с Управы звонили, спрашивали, не знаю ли кого на рынке.

– Каких мужичков?

– Посредников. Приходит кто-нибудь на рынок «тачку» сдать, а сам стоять не может, дела там, к примеру, еще что. Но тут пацаны на сей случай имеются. Они при машине остаются заместо продавцов. Как только «тачку» толкнут, хозяину звонят, приезжай, мол, за деньгами. А так как ребята знают в торговле толк, с каждой «тачки» навар имеют – баксов по двести-триста. Наличкой, разумеется. Но за последний месяц троих таких продавцов в подъездах завалили. Они как раз свой навар получили, а их как раз поджидали – хлоп из «пушки» в башку, деньги цап и ноги. Пресекаешь? Кто-то с рынка, похоже. Или сам стреляет, или наколочку дает.

– Да иди ты... Из-за двухсот баксов человека хлопать?

– А может, как в анекдоте? «Ты зачем, гад, старушку замочил?» – «Чтоб деньги забрать». – «Так у нее всего рубль был!» – «Ну и что? Одна старушка – рубль, две старушки. – два...» Так и здесь. А мочат потому, что боятся – вдруг продавец узнает. Стало быть, с рынка человек, местный.

– Может, и так. – Телегин взглянул на часы. – По нашей жизни и двести баксов для кого-то богатство.

– Во-во. У меня стукачок есть на рынке, попробую закинуть удочку. У нас на земле пока тьфу-тьфу, жмуриков с рынка не находили, слава Богу, но где три трупа, там и четыре, и пять. Серия. Ребятам уже терять нечего, не завяжут.

Вернулся водитель, держа в руках завернутые в полиэтилен колодки.

– Во, сервис. Ворованные, но как на Западе-в упаковочках.

– Взял бы да изъяс. Зачем «бабки» платить, тем более из своего кармана? – пожал плечами Телегин, выбрасывая окурочек и садясь в «уазик».

– А я, по-твоему, платил? Еще не хватало. У них ни сертификатов, ни чеков. Они мне с радостью в глазах колодки отдали, сказали спасибо за покупку и еще в пакетик завернули. Ну что, катим?

– Катим, катим. Граждане заждались.

– Что за заявочка-то? – Водитель срезал угол, проехав прямо по газону.

– Грабеж какой-то.

– Тогда с музыкой едем, – водитель врубил сирену.

Через десять минут Телегин с Плаховым поднимались по лестнице жилого дома. Еще через пять спускались обратно. Милицию вызвала гражданочка, час назад купившая по очень дешевой цене на базаре индийского чайку высшего сорта производства Новоблудской чайной фабрики № 1. Придя домой, решила чаек заварить. Но чаек не заварился – вместо него заварились опилки. Возмущенная беспределом хозяйка не нашла ничего умнее, как вызвать милицию. «Грабеж в особо циничной форме!»

Плахов покрутил пачку с опилками в руках и выбросил ее в ведро: «Чего шум поднимаете, гражданочка? Не нравится чай, пейте кофе. А еще раз вызовете из-за такой ерунды, заставим пить что заварилось. Можете жаловаться».

Еще из подъезда Плахов и Телегин услышали гневную брань водителя.

– Что, Серега, стряслось? Кто обидел?

– Сучьи коты! Вы гляньте, какие мне колодки сунули! А я думаю, зачем они, бляди, в пакетик их завернули! – Водитель швырнул на землю пару металлических болванок, больше напоминающих баночки из-под «Пепси», нежели колодки. – Сейчас заскочим туда на обратном пути, я им покажу, как лоха из меня делать.

– Из тебя, Серега, лоха не делали, ты лох и есть. Даром только триппер раздают. Поехали в отдел. Серега махнул рукой и завел двигатель.

– Трых-пых-шмых-брых, как понял? – выдал прикрепленный к «торпедо» рваный динамик рации.

Серега достал из-под сиденья микрофон и ответил:

– Понял. Левобережная, 20, скандал. Заедем. Мужики, заглянем, это по пути, чтобы потом с базы не возвращаться?

– Не люблю скандалов, – вздохнул Телегин. – Нажрутся и бьют друг другу рожи. А зарежут кого, не дай Бог, с меня же и спросят, где, мол, профилактика. Я что, у дверей караулить должен, чтобы они не дрались?

– Ладно скандалы, – перебил Игорь, – нам предложено заняться профилактикой заказных убийств. Провести анализ – на каких улицах и когда чаще всего убивают по заказам. Затем на этих улицах выявить коммерческие структуры, посетить и предупредить о возможном убийстве ихних боссов. Прикинь, Серега? Приду это я к директору компании и влуплю: «А вы не боитесь, товарищ, что вас могут устранить? Имейте в виду, что сейчас много заказных убийств». Я думаю, что после такой профилактики товарища как минимум на носилках унесут. Вон двадцатый дом, давай во двор, посмотрим, что там за скандал. Квартира какая?

– Сам же слышал, что только дом дали.

– По твоему «Пионеру» разве что услышишь... Место происшествия заметили сразу, едва въехали во двор. У последнего подъезда собрались человек десять, которые, завидев милиционерскую машину, приветственно замахали руками.

– Во, а говорят, что милиция в нашем городе не нужна. Раз вызывают, значит, нужна. – Телегин любил пошвыряться штампованными фразами.

– Спасибо, что подвез бесплатно, – добавил Плахов.

Сергея, который в силу профессии выезжал на каждую заявку и считал себя мастером «кухонных разборок», извлек из-под сиденья дубинку и первым ринулся в бой.

Игорь, в чьи функциональные обязанности не ходило участие в подобных конфликтах, тем не менее тоже вышел из машины. Он предпочитал участвовать во всех конфликтах, даже чисто бытовых – любая бытовуха могла преподнести весьма неожиданный сюрприз. Информация сама не приходит, ее надо искать.

– Сержант Парамонов, – представился Сергей и сощурил глаз, выбирая, по кому из граждан нанести первый прицельный удар. – Что случилось!

– Там парень в подъезде лежит, – ответил круглолицый усатый мужик. – В крови весь! Мертвый, похоже. Мы «скорую» вызвали.

Плахов, уловив фразу «мертвый, похоже», опередил Сергея, шагнувшего к подъезду.

– Никого не пускай. Димыч, поговори с народом. И будь проще, народ это любит.

Человек лежал на ступеньках лицом вверх, и Игорь без особого труда определил, что слово «похоже» отпадает. Жмуриков за пять лет службы в ментуре Плахов насмотрелся вволю.

На вид покойнику было лет двадцать. Открытые стеклянные глаза, залитые кровью, сжатые судорогой пальцы. Игорь наклонился пониже, осветил лицо фонариком. Кровь не давала сразу определить причину смерти, понятно было одно – вряд ли парень упал сам.

Плахов направил луч на ступени. В свете фонарика блеснула валяющаяся у стены гильза.

– Тьфу, бля...

Где-то на втором этаже хлопнула дверь, сверху сбежал отрок с фиолетовыми волосами и кучей сережек в ушах.

– Тормозни, – Плахов поднялся с корточек. – Милиция. Близко не подходи, глянь, откуда, кто такой, может, знаешь?

– Ух ты! – фиолетовый ошалело выпучил глаза. – Чего, ему плохо?

– Нет, уже никак. Ну что?

– Блин, это Витька Краснов с третьего этажа, в нашей школе учился.

– С кем живет?

– С мамашей.

– Не бандит случайно?

– Кто? Витек? Не, какой он бандит, он на рынке автомобильном крутится, «тачки» помогает толкать.

Плахов снова опустился на корточки, достал сигареты.

– Накаркал, урод. Четвертый...

– Кто четвертый?

– Это я так... Иди на улицу, не отвечивай. В подъезд заглянул Телегин.

– Ну что, Игорюха?

– Какой остряк нас на скандал вызвал? Скажи Сергею, пусть свяжется по своему «Пионеру» с дежуркой, закажет группу. Мокруха тут. И не пускай никого.

Сделав глубокую затяжку, Игорь еще раз посмотрел в глаза убитого парня и, обойдя труп, поднялся на третий этаж.

ГЛАВА 3

Штаб предвыборной кампании кандидата в мэры Аркадия Викторовича Боголепова сосредоточился в левом крыле Дворца культуры и техники имени героев-новоблудцев. Каких именно героев и что такого геройского они совершили, не знал никто, однако никто и не сомневался в их существовании: общество без героев что стена без обоев. Над крышей развевался на ветру трехцветный российский стяг, только повешенный вверх ногам – красное сверху, белое снизу.

В правом крыле ранее размещался кинотеатр, ныне превращенный в вещевой рынок, центр досуга молодежи и театральную студию. Аркадий Викторович выбрал Дворец в качестве штаба из стратегических соображений. Здание находилось в центре города, барахолка привлекала электорат из рабочих слоев населения, центр досуга всегда был полон молодежи, а студия собирала по вечерам интеллигенцию и богему. Таким образом, реклама обеспечивалась как бы сама собой, без вложения дополнительных средств, за счет близости к народу.

Народ мог запросто прибыть на прием к кандидату, выпить с ним чайку, угоститься дармовым бутербродом и поплакаться на трудности сволочной жизни.

При каждом удобном случае маэстро подчеркивал свою исключительную близость к электорату. Приемная, где он утешал простых новоблудцев, напоминала комнату спившегося гегемона. Дощатый скрипучий пол с постеленным на него узким вытоптаным половиком-дорожкой, грязно-желтые дешевые обои, бурые разводы на потолке, лампочка Ильича вместо люстры, печка-буржуйка с выведенной в форточку трубой, поленница дров (вероятно, кандидат работал холодными ночами) и прочая утварь мещанского быта. Аромат забившегося сортира. Особенно умилял круглый стол со стоящими на нем мятым самоваром и початой бутылкой водки. Смотри, народ, никаких евростандартных офисов, никакого шурушания «черных» денег. Весь я тут, прост как правда. Заходи, народ, мы с тобой одной масти.

Правда, на всякий случай в дверце приемной Боголепова был установлен скрытый рентгеновский металлоискатель. Народ, конечно, стоит приближать к телу, но с подстраховкой, народ ведь разный бывает, в душу каждому не заглянешь, так хоть под одежду.

Портрет-плакат кандидата размерами два на три занимал нишу для афиш, и посторонний человек мог решить, что в ДК выступает постоянный гастролер разговорного жанра. Портрет изображал Аркадия Викторовича стоящим перед замершим в ожидании чуда электоратом на фоне очертаний мертвых труб медно-купоросного завода. Глаза Боголепова были наполнены трагизмом и неподдельной болью.

Под портретом всегда сидел попрошайка-нищий, которому кандидат, выходя из штаба, каждый раз подавал на хлеб. Чуть левее дежурил охранник, следящий, чтобы конкуренты или просто хулиганствующие молодчики не испохабили образ защитника народа. В биографическо-рекламной справке, висящей под портретом, утверждалось, что коренной новоблудец Аркадий Викторович Боголепов, родившись в 1951 году в семье простого сталевара и не менее простой сельской учительницы, прошел тяжелый трудовой путь от мелкого работника общепита до президента крупнейшей компании, причем на этом пути Аркадий Викторович неизменно подвергался репрессиям и травле за свою непримиримую позицию.

Далее следовало описание душевных и деловых качеств маэстро Боголепова. После прочтения этой характеристики у человека мог возникнуть лишь один вопрос – почему у Аркадия Викторовича до сих пор нет нимба над головой?

И тем не менее человек внимательный сразу понимал, что биографа явно кинули с гоноаром, ибо как мог тот же сталевар сожительствовать с сельской учительницей? Ну если только сталепрокатный цех находился на свиноферме, тем более что стали в Новоблудске отродясь не катали.

Тот же внимательный человек мог задать глупый вопрос, а где, собственно, Боголепов проходил путь от и до. Но никто таких вопросов не задавал, увлекаясь текстом ниже.

И уж никто никогда не догадался бы заглянуть в милицейский информационный центр и подать запрос о судимостях кандидата. Нет, человека с таким набором положительных черт просто невозможно отождествить с понятием «уголовный кодекс». Впрочем, если бы кто и закинул удочку, то ничего не вытащил бы – не потому, что маэстро совсем не грешил, просто файлы, пачкающие имидж Боголепова, были старательно уничтожены имиджмейкерами с помощью заинтересованных милицейских кругов.

Сам Аркадий Викторович не считал себя грешником. Какой же это грех – торговать ресторанной колбасой? Не было тогда у народа колбасы, а Аркадий Викторович ее народу давал. Ну, в смысле продавал. И всегда, между прочим, народ говорил ему «спасибо». А долбаное государство вместо «спасибо» вкатало пятерик, да еще с конфискацией.

Второй раз государство обидело маэстро спустя десять лет, уличив его в хищении вверенного имущества в особо крупных размерах. Убедить судей в том, что средства, отпущенные бюджетом на строительство детского садика, ушли именно туда, а вовсе не на загородный домик подсудимого, к сожалению, не удалось, и Аркадий Викторович загремел еще на восемь долгих лет.

Выйдя на волю в девяносто четвертом, Боголепов с горечью отметил, что злой рок поменял плюсы на минусы – брала печаль за незаслуженно потраченные годы. Хотя те же годы подарили горемыке такой богатый опыт, который он вряд ли бы получил, проживая на свободе в своем загородном домике. Именно благодаря опыту коренной новоблудец выбился в президенты крупнейшей компании и теперь готовился стать отцом, ну, в смысле мэром. Компания, кстати, процветала, несмотря на то что товарного производства в Новоблудске почти не было. Перед началом предвыборной гонки фирма из незвучного «Пасьянса» была переименована в патриотический «Родимый край». Когда Аркадия Викторовича спрашивали, а чем занимается «Родимый край», тот пускался в долгие путаные объяснения, несколько похожие на те, что он давал на последнем суде. Если до собеседника не доходило, ответ упрощался: «Чего ты хочешь, падла?»

Какие политические силы стояли за спиной маэстро Боголепова, электорат, разумеется, не знал, сам же кандидат при каждом удобном случае подмечал, что является независимым и действует исключительно по собственной воле, в отличие от всяких продажных марионеток. Как коренной новоблудец Аркадий Викторович имел врожденные способности к убеждению.

В настоящую секунду он обнимал за плечи старушенцию, пришедшую на прием.

– Ты чувствуешь, мать, радость? Ты, простая русская женщина, и я, простой русский мужик, слившись в одно, сами решаем судьбу городе Чувствуешь, мать, радость?

– У нас газ месяц назад отключили, сынок. Плохо без газа-то. На лектричестве дорого, чайку лишний раз не попить.

– Знаю, мать, знаю, что без газа плохо. Будет газ! Зуб даю, то есть обещаю – будет! Иди и передай всем – как только Боголепов станет па... то есть мэром, будет газ. И все будет! Кстати, о чае... Сергей Иванович!

В апартаменты тут же заглянул облаченный в косоворотку и кирзачи верзила.

– Напоите женщину чаем, – отдал команду кандидат. – Ступай, мать, подумай, за кого тебе отдать голос. И бутерброды, Сергей Иванович, бутерброды.

Верзила мрачно кивнул и открыл дверь перед бабулей.

– Достала, проститутка старая, со своим газом, – проворчал Боголепов, вытирая об грязную портьеру руки. – Небось «капусты» полные чулки натрахала.

Он подошел к столу, нажал кнопку селекторной связи.

– Зина, там есть еще кто на прием?

– Да, шесть человек.

- Объяви, что на сегодня все. Пускай Сергей Иванович напоит всех чаем и проводит.
- Хорошо. Тут Руслан Григорьевич подошел, спрашивает, можно ли к вам?
- Да, пригласи.

Через секунду в кабинете появился помощник кандидата Руслан Григорьевич Мухаев по кличке Муха, тридцатилетний прохиндей, начинавший политическую карьеру в поездах дальнего следования, где обыгрывал денежных пассажиров в карты.

Щелкнув замочками, он открыл «дипломат» и выложил на стол несколько ксерокопий каких-то документов.

– Я нашел кое-что весьма полезное. Взгляните. Аркадий Викторович надел тяжелые очки и прочитал заголовок.

– Обалдел, что ли?! «Закон о погребении»... На хера нам это надо?!

– Не торопитесь, патрон. Очень полезный документик. Оказывается, по этому закону граждане имеют право на бесплатные похороны.

– Ну и что?

– Где вы у нас видели бесплатные похороны? О существовании этого закона просто-напросто никто не подозревает. Я специально посетил кладбищенскую контору под видом покой... тьфу, убитого горем родственника, где мне выкатили какой-то сумасшедший преискурант да еще пожаловались, что им плохо живется, не на что лопаты и рукавицы покупать, зимой негде чайку попить, а на кладбище приходится на личных джипах приезжать. Когда же я заикнулся о законе, в кабинет вошли два милых малых с лопатами на плечах, и я сразу понял, что задавать такие вопросы в данном заведении неэтично. Вы теперь догадываетесь, о чем речь?

– Не совсем.

– Вот экономический расчет, – Мухаев протянул Боголепову еще один лист. – Обоснование, так сказать. Тот кандидат, кто пообещает горожанам бесплатные похороны, автоматически выиграет выборы!

– Да ну?! – у Аркадия Викторовича перехватило дыхание.

– Конечно! Я все подсчитал! У нас в городе Две третьих населения – пенсионеры, недостатка покойников не наблюдается. И все они волей-неволей задумываются о грядущем, потихоньку собирают на могилку, зная, что это удовольствие стоит приличных денег. Мы же, вернее вы, озвучиваете тезис о бесплатном захоронении, ссылаясь на этот закон! Вы обещаете, что, как только станете мэром, твердой рукой наведете порядок в кладбищенском бизнесе, разгоните кровопийц, наживающихся на человеческом горе, гарантируете бесплатное погребение, и поверьте – две трети голосов ваши!

Боголепов принялся возбужденно протаптывать дырку в половике.

– Ты уверен, что такой закон существует?

– Вне всякого сомнения, я все проверил, прежде чем идти к вам. Завтра же мы вобьем в предвыборную программу пункт: «Каждому новоблудцу – бесплатную могилу!»

На пару секунд оба замерли и уставились друг на друга.

– Звучит как-то... – первым прервал паузу Боголепов. – Чепуха полная – «каждому по могиле». Толпа решит, что мы начнем массовый отстрел.

– Хорошо, тогда по-другому: «Каждому новоблудцу – бесплатный комплекс ритуальных услуг».

– Не все знают, что такое ритуальные услуги, да и длинно слишком.

– Ладно, в конце концов, есть литературный редактор, он придумает, чтобы было и понятно, и убедительно.

– Хорошо, объясни ему все. Если надо, подключим прессу. Карасев возьмет у меня еще одно интервью для «Вечернего Новоблудска». Как дела с артистами?

– Майкл Джексон отказался.

– Кто такой?

– Так, америкашка один, по-кошачьи петь умеет. Его в народе любят.

– Что, денег мало заслали?

– Гастроли у него какие-то. Ну да черт с ним. Договорились с группой «Мочить» на пару концертов в вашу поддержку. Они популярны в столице, да и у нас тинэйджеры тащатся. Говорят, конкуренты от компартии подписали Мадонну. Представляете, капиталистическая поп-звезда будет агитировать за светлое будущее.

– Вряд ли, у коммунистов нет «капусты».

– Если, Аркадий Викторович, вы считаете, что они проводят кампанию на одни членские взносы, то вы ошибаетесь. Все у них есть.

– Ладно, «Мочить» так «Мочить». Руслан Григорьевич снова сунулся в «дипломат» и вытащил очередную папку.

– Вот, мы подготовили две экономические платформы, точнее два комплекта предвыборных тезисов. Ознакомьтесь и решите, какой отдать в печать.

– К черту экономику, – махнул рукой Боголепов. – Народ все равно ни хрена в ней не смыслит, нечего ему цифрами башку забивать. Наш народ любит не мозгами, а сердцем. Душой открытой. Я лучше с народом водки выпью или песню ему спою, народ за мной и пойдет. А проценты да расчеты заумные сердцем не понять, они только путаницу вносят. Будем проще – вот мухи, вот котлеты! С этим все. Как дела по Салтыкову?

– Ген прокуратура изъяла все бумаги по его фирмам, со дня на день появятся результаты. Боголепов взглянул на календарь.

– Будь предельно внимателен. Главное, не упустить момент. Информация должна появиться в прессе мгновенно. Леопольд – наш главный козырь. Как раз для народа. Для сердца.

– Я помню, – Мухаев преданно посмотрел в глаза кандидата. – Если мы не обыграем, то обыграют нас.

– Что, кстати, с убийством? Раскрывается?

– Не очень. Версия о причастности нынешнего папы-мэра основная, папа же не любит, когда копаются в его белье и белье его папиков. Менты побьются в двери лбами, расшибутся, утомонятся и будут дальше водку жрать. Ваша фамилия в деле пока не мелькает.

– Что значит «пока»? Я должен быть в полной уверенности, что она вообще там не будет мелькать. И вообще, какое отношение я имею к этому Салтыкову?

– Да никакого, конечно, это я по запарке. Но если вдруг обнаружится, что отношение есть, мне сразу просигналят, поверьте.

– Никогда не говори мне «поверьте». Меня это оскорбляет.

Аркадий Викторович вернулся за стол.

– Что-то у меня голова разболелась, мигрень. Будешь выходить, скажи Зине, чтобы принесла «Упсы».

– Выпейте лучше водки, Аркадий Викторович. Удивительно оживляет. От нашей «Упсы», говорят, волосы выпадают.

– А от нашей водки может отпасть кое-что другое. Делай что ведено. И отпусти водителя, я поеду домой с народом, на автобусе.

– Хорошо. – Мухаев кивнул и вышел в приемную.

ГЛАВА 4

– Своя девчонка ближе к телу, – Плахов приставил горлышко пивной бутылки к металлической ограде и стукнул по пробке ладонью.

– Фигня, Игорюх, женщины – не та проблема, на которую стоит тратить наши драгоценные нервные клетки. Не получилось с этой, получится с другой. Вон их сколько ходит, красавиц. Если из-за каждой убиваться, в тридцатник ляжешь в яму. Во, смотри, смотри, какая краля покатила. Эй, девушка, вы на самокате умеете кататься? Могу научить.

Игорь оторвался от горлышка:

– Семь лет все-таки... Это не в киношку сбегать. Правда, все к этому и шло, но я пытался... Все для нее. А! До сих пор очухаться не могу.

– Значит, не любила! Кто любит, тот терпит. И общагу, и тараканов, и зарплату. Тебе ж не пятнадцать лет. Тридцатник скоро, должен в людях разбираться, тем более в женщинах. Видишь такое дело – ставь вопрос ребром, а не бегай за ней с соплями по колено. Чо те надо? Что ты хошь? И все!

– Да ладно, Ильюх, у меня не тот случай.

– Хочешь единственно верный дружеский совет? Не прыгай перед бабами козликком! Все они по своей сути лживы в большей или меньшей степени. Потерял одну – найдешь другую. Идешь сегодня в ночник, снимаешь деваху, тащишь на «хату» и, как говорится, получаешь полное моральное удовлетворение. А там, глядишь, зародится новое светлое высокое чувство. Главное, подарок не подцепи. Безопасный секс – это так же естественно, как чистить зубы. Завтра же позабудешь про все свои совершенно напрасные переживания, проснувшись утром бодрым, жизнерадостным чуваком, со всех сторон полезным мировому сообществу. Поверь, проверено не единожды. Хочешь – проснемся вместе. У меня по графику секретная засада. С «хатой» только напряг. Жена вчера от предков вернулась, у меня нельзя. Ну что, ищем светлое чувство?

– Пиво разбавлено, – поморщившись, ответил Игорь.

– При чем здесь пиво, старина? Ты сегодня какой-то несобранный.

Старший оперуполномоченный управления уголовного розыска Илья Виригин, или просто Ильюха, взял у Игоря бутылку и сделал глоток.

– Пиво как пиво. Теплое немного. Он вернул бутылку приятелю и достал сигареты. Виригин был маленьким крепышом с чересчур выпирающим животом и стрижкой «завтра на фронт». Если у Плахова ремень на брюках присутствовал по причине слишком стройной фигуры, то у Виригина причины присутствия ремня были полностью противоположными. Короче, ни тот, ни другой не тянули на сформированный киноиндустрией образ суперполицейского, да даже просто полицейского. К тому же ни тот, ни другой не обладали черными, зелеными или, на худой конец, красными поясами всяких там единоборств, а стреляли из рук вон плохо – на последних стрельбах Плахов ни разу не попал в мишень, потому что стрелял в чужую. В которую, впрочем, тоже не попал.

Виригин, не имея красного пояса, имел красный нос, но шибко по этому поводу не убивался. Вообще он был толстокожим и непробиваемым, никогда на людях не показывал своих чувств и, в отличие от Плахова, близко к сердцу всякую чепуху не принимал. Выслушав в свой адрес какие-либо непотребные замечания, он доверительно улыбался и мягко отвечал: «Успокойтесь, товарищ, все там будем. Кого принесут, кого приведут, кого прилетут».

Пять лет назад Плахов познакомился с Виригиным в территориальном отделе, когда только пришел на службу. Виригин к тому времени уже отмолотил трояк на земле и считался аксакалом, дедушкой. Но в ментуре, не то что в краснознаменной, дедовщина не прижилась, и Илья на первых порах совершенно искренне наставлял Плахова на путь истинный, в самом

хорошем смысле этого слова. Игорь, естественно, не стал слепо копировать методы Ильи, стараясь найти свой стиль работы, что вполне нормально для человека творческого, а работа опера – это прежде всего творчество.

Виригин же к четвертому году службы от творчества несколько отошел, все чаще используя принцип «мозговой атаки», как он это называл. Атака производилась не в отношении своего мозга и не в переносном смысле. «Ну если человек настолько тупой, что по-другому ему совершенно ничего не объяснить?! У меня интеллект не резиновый, на каждого дурака не хватит».

Справедливости ради стоит отметить, что в отличие от некоторых коллег Ильи дубиной без разбора не махал и беспредел не устраивал, тонко чувствуя черту, за которую нельзя переступать, зная, что «необходимо», а что «достаточно». И расходиться с человеком старался мирно, без обид. Подумаешь, подрались, теперь зато водку пьем. Обиды, конечно, все равно были, Илью таскали в прокуратуру, на суды в оргинспекторский отдел, однако никаких крупных неприятностей у него не было. Все всё прекрасно понимали, тем более что жалобщики в результате оказывались за решеткой, а победителей, как известно, не судят.

«Запомни, Игорюха, кого не таскают, тот ни фига и не раскроет, акромья убийства мухи на столе, да и то если муха выживет и даст показания...»

На «мозговую атаку» глаза закрывали еще и потому, что Виригин считался ментом идейным, пришедшим раскрывать преступления, а не «ставить крыши», «сажать на заказ» либо «стричь бабки».

Три года друзья просидели в одном кабинете, глотая общий сигаретный дым, а потом Илье предложили место в управлении, куда он и перешел, посчитав, что на земле засиделся – «королевство у нас маловато, разгуляться негде».

В последнее свое дежурство, хохмы ради, он сделал из своей одежды чучело, набив ее газетами, и повесил на люстру спиной к дверям. Все, в общем-то, прошло нормально, не считая, что первой утром в кабинет вошла уборщица Зинка, которую потом успешно увезли на «скорой». Плахова же вид висящего на люстре коллеги не смутил, он без всяких эмоций снял чучело, разделал, газеты выкинул, а одежду аккуратно сложил на столе.

В управе Виригина посадили на линию убийств. Именно ему досталось убийство Салтыкова, как он от него ни отбрыкивался. С Игорем Илья виделся почти каждый день, штаб по раскрытию базировался в актовом зале их родного отдела.

Двадцать минут назад, столкнувшись в коридоре, опера решили пропустить по пивку – долгожданное солнце превращало кабинеты в сауны, и организмы требовали влаги.

Илья извлек из кармана пиджака свою бутылку, обручальным кольцом сковырнул пробку и сделал пару долгих глотков.

– Чегой-то утомился я, Игорюха, с этим Салтыковым. Каждое утро в управу на доклад летаю. «Что за сутки наработано, что собираетесь предпринять?..» От планов и цифр скоро наступит полное и необратимое половое бессилие. Проку от них, как от бюста Дзержинского в нашем сортире.

– Хоть что-то реально выплывает?

– Откуда там реальному взяться? Куда ни сунешься, сразу по рукам бьют. Связи же у Леопольда сам знаешь какие. Могу записную книжку дать полистать. Попробуй, бля, вызови кого... Сразу звонок сверху – а зачем это вы господина Писькина вызываете? Больше не вызывайте, он себя ни в чем виноватым не считает, поэтому от винта. А первого, кого следовало бы поколоть, – так это нашего папу-мэра. Но разве ж дадут? И при этом каждый день долбят – когда раскроете, когда раскроете? Сами бы и раскрывали.

– Ладно тебе страдать. Обход-то доделали?

– Растягиваю удовольствие. Людей нагнали со всего города, надо ж чем-то озадачивать. Когда выйду на пенсию, напишу бестселлер «Как раскрывалось убийство Салтыкова». Стану миллионером. Большого бардака я не видел.

– Классики говорили – если есть бардак, значит, он кому-то нужен.

– Соглашусь. Глянь, какая пошла. Эх... Виригин допил пиво и поставил бутылку на асфальт.

– Версий по Салтыкову, конечно, до задницы, не знаешь, за какую уцепиться. Чего ради к нему прокуратура нагрязнула, причем генеральная? Когда последний раз в наше захолустье наведывались столь высокие гости?

– В газетах писали, что ищут компромат на Мэра.

– Фигня. Салтыков знал, что приезжает команда из Москвы, и никакой папочки у него никто бы не нашел. Мэру совершенно не выгодна смерть своего чиновника. Леопольд был ключевой фигурой по финансированию его избирательной кампании. Разумеется, по теневому финансированию.

– Откуда информация?

– Городок у нас маленький. Так вот, в приехавшую бригаду входила не только прокуратура, но еще ОБЭП и налоговая. И приехали они с очень точной наколкой в кармане. Не бросились проверять все подряд, а нагрязнули в конкретные коммерческие структуры, так или иначе связанные с Салтыковым. К примеру, в самое крупное городское агентство недвижимости, фактическим хозяином которого был Леопольд, на пищевой комбинат, организовавший в прошлом году массированную продажу акций народу. Моя бестолковая супруга купила парочку, за что неделю замаливала грехи на кухне. И знаешь, что ребята выкопали? Огромную финансовую дыру. Граждане, сдавшие деньги в агентство на покупку квартир, остались без денег. Счета банка, где хранились их вклады, оказались пустыми. То же самое произошло и с акциями.

– И каковы же размеры финансовой дыры?

– Проверка пока еще копает, но уже на сегодняшний день порядка ста «лимонов» нарыли...

– Лихо. – Плахов улыбнулся и поставил свою бутылку рядом с виригинской.

– Причем в те конторы, где все более-менее благополучно, ребята даже не совались. А отсюда вывод: они заранее имели установку, которую и воплощали в жизнь.

– И куда же уплыли денежки?

– Кабы знать... Хотя с учетом политической ситуевины предположить можно. Все средства клиентов тут же пускались в оборот, а дивиденды шли на предвыборную кампанию. Прокручивал «бабки», вероятно, сам Салтыков, который обладал непосредственным доступом к деньгам, то есть держал в своих цепких ручках все финансовые нити. Нет Салтыкова – машина выходит из строя.

– Он что, один знал, где деньги?

– Второй – это тот, кто дал наколку. Вот этого второго я и пытаюсь вычислить. И искать его надо в окружении самых реальных претендентов на кресло мэра. Пока я не могу понять, зачем надо было натравливать органы – не проще ли хлопнуть Салтыкова и воспользоваться деньгами? Реальных кандидатов двое – барыга Боголепов, неизвестно откуда выплывший, и коммунист Пб-тухлов. Как я погляжу, на агитацию народа Боголепов денег не жалеет. С его же подачи в прессу попала идея с компроматом. Этот журналюга Карасев уже, в общем-то, и не скрывает, на чьей стороне работает. Вероятно, жирный кусочек ему заслали.

– Наметки есть на человечка?

– Искать его можно либо через прокурорскую бригаду, хотя, скорее всего, они втемную получили команду, либо копаться в связях претендентов. Что тоже весьма сложно, человек не дурак засвечиваться.

– Способ стремный какой-то. Я имею в виду способ убийства. Не проще ли по старой доброй привычке снайпера где-нибудь посадить или бомбу заложить под «тачку»?

– Да как сказать? Снайпер, даже очень квалифицированный, не дает стопроцентной гарантии, всякое бывает – заметить могут, шнурок у объекта развяжется. Бомба тоже штука ненадежная – сколько примеров, когда клиент жив оставался. А тут нужен стопроцентный успех. Салтыков последние полгода с ОМОНОм ползал, они даже дежурили по ночам под его окнами. Но в тот вечер часиков в шесть вечера он ребят отпустил – чуть ли не в приказном порядке. Чего ради? На следующий день у Леопольда прилетела жена, то есть последняя свободная ночь...

– Кобельнуть решил?

– Вполне может быть. А девочку под него поставили центровую и без твоих вот комплексов. Довела мужичка до оргазма и мозговую атаку провела. Грабеж – это так, для отмазки. Но начальство который день спрашивает, сколько судимых за грабежи проверено на причастность. Все мои расклады им до одного места, главное – объем работ показать.

Илья проводил взглядом еще одну длинноногую подружку.

– На Востоке мудрые люди запрещают своим бабам ногами светить. В этом что-то есть. У тебя на рынке, слышал, чудак какой-то завелся. Валит людей ни за член собачий.

– Да, четвертая мокруха.

– Ну, жди пятой. Совсем, что ль, глухо?

– Пока да. Завтра встречусь на рынке с человечком своим. Там этих продавцов-посредников штук двадцать. За последние двенадцать дней продано девять «тачек». Результат – четыре трупа. Кое-кто все-таки донес денежки до дома. Освободившиеся вакансии были тут же заняты новыми людьми.

– И не боятся ведь...

– Я толковал с продавцами. А что им делать? Хоть какой-то кусок хлеба. Конечно, бомбит кто-то из своих, четко знающий, что продавец заработал.

– Место бластное?

– Не сказал бы. Но чужаков на рынок стараются не пускать.

– Так, может, обиженный появился?

– Может. Гадать не буду, договорюсь с человеком, тот просигналит, когда «тачка» уйдет. Работать, правда, не с кем. Молодые какие-то ненадежные, по-моему, они еще не поняли, куда работать пришли. Опять вчера отличились. Зацепили возле вокзала черного, притащили в отдел и давай колотить на теракт в Буденновске. А черный и не черным вовсе оказался, а дипломатом, арабским, как потом выяснилось. Безумный Макс ему пальцы под гирю сует – говори, обезьяна, где Шамиль Басаев прячется. А араб по-русски еле-еле, в штаны наложил с перепугу. Надо ж, попал в «рашн полис». Пришлось сына пустыни до утра водкой отпаивать, несмотря на ихний сухой закон, чтобы конфликта международного избежать. В общем, то еще у нас пополнение. Серега Фролов в вашей бригаде, а Петька в отпуске.

– Да какой базар? Скажешь – подмогнем.

– Лады, попробую зарядить человека. Илья взглянул на часы:

– Ну чо, в ночное-то идем? Если мне память не отшибает, у тебя вчера произошла личная драма.

– Блин, только отвлекся, так ты опять.

– Сердечные раны надо выжигать каленым железом. Значит так, «хату» я найду, на бутылку водки тоже, встречаемся в девять возле «Отвертки». Баб там немерено, и все хотят. Вопрос будем решать конкретно – либо-либо, аморе-аморе.

Илья, плюнув на работу, направился к автобусной остановке. Плахов постоял немного, бездумно рассматривая рекламный щит водки «Блудофф», затем, очнувшись и вздохнув, двинул через парк к дому.

«Здравствуйте, меня зовут Сергей, мне тридцать два года. Это моя жена и мои дочери. Правда, они хорошие? Не так давно я занялся бизнесом. Красивая жизнь, красивые города, красивые женщины. Когда я вернулся домой, то узнал, что меня ищет братва. Полгода я скрывался. Потом меня убили. Очень жаль.

Фонд защиты молодых бизнесменов от организованной преступности».

Артем еще раз пробежал глазами текст, раздраженно скомкал лист и выбросил в ведро. «Не то, где-то это уже было. Хуже нет работать на заказ. Я что, сочинитель рекламы?!»

Артем вылез из-за стола, выключил компьютер. Несмотря на наличие техники, некоторые наброски журналист предпочитал делать на бумаге.

Он пошел на кухню поставить кофе, решив сделать вынужденный перерыв в творчестве. Творчество без вдохновения все равно что кошелек без денег. А вдохновение пропало час назад, когда позвонили из редакции и заявили, что гонораров сегодня не будет и завтра, возможно, тоже. В банке какие-то проблемы. Интересное дело. Статья вышла неделю назад, народ покупал, читал, получал удовольствие, а в банке до сих пор проблемы. Но Артем Карасев здесь при чем? Гению журналистики теперь приходится сочинять всякую рекламную ахинею, чтобы не протянуть ноги.

Гению шел двадцать третий, жил он в однокомнатной квартире скончавшейся недавно бабушки и второй год подавал надежды в «Вечернем Новоблудске». В журналистику он пришел по зову сердца, решив стать трибуном униженных и оскорбленных, а конкретнее – освещать криминальные события в родном городе.

Мастерство давалось нелегко. После первого же освещения убийства какого-то авторитета Артему подсветили глаз. Чтобы лучше видел проблему. Начинаящий журналист, прочитав сводку происшествий, где сообщалось об упомянутом убийстве, мгновенно построил собственную версию, которую и изложил в свежем выпуске газеты. Версия больно затронула определенные круги, и круги, в свою очередь, больно затронули автора.

Автор не сдался, однако собственных версий больше не строил, предпочитая выяснять их в соответствующих органах. Но благодаря нападению о журналисте заговорили, он попал в струю и был зачислен в штат «Вечернего Новоблудска», в криминальный отдел. Особенно удавались Артему статьи о сексуальных маньяках и убийствах на религиозно-фанатической почве, когда можно было порадовать читателя сценами кровавого насилия над беззащитной жертвой. С каждой публикацией Артем шлифовал перо, его статьи «Кровавая кукуруза», «Маньяк ползет по следу», «Беспредел на кухне» и другие нашли отклик в сердцах простых и очень простых новоблудцев и принесли автору служенные авторитет и уважение.

Когда не хватало фактуры, репортер не унывал. Интервью с киллером, потрясшее читателей пугающей откровенностью, он забавал сидя перед зеркалом. Вопрос – ответ...

Задержки с гонорарами вызывали у Артема искреннее удивление и досаду. Не юнец же, но мастер.

Мечтой молодого дарования по-прежнему оставалась информация, способная встряхнуть не только маленький Новоблудск, но и всю Россию, ведь, как известно, кто владеет информацией, тот владеет миром. А удивлять народ статьями о маньяках и грабителях становилось все труднее и труднее. Кровь и сперма приедались, и публика уже вяло реагировала на броские заголовки статей. Хотелось серьезной работы.

Шанс повысить свой рейтинг появился с началом предвыборной кампании, когда сенсации начали сами всплывать на поверхность, надо было лишь схватить их первому. У Артема же была масса возможностей. Его имя по-прежнему было на слуху, а массмедиа в предвыборной скачке – сила номер раз.

Поэтому Карасев, в общем-то, не удивился, когда пару недель назад в редакцию позвонил вежливый господин и бархатным голосом попросил к трубке Артема Вениаминовича. Господин представился Русланом Григорьевичем Мухаевым, помощником кандидата в мэры Боголепова, и предложил забить стрелку в испанском ресторане «Амиго» для сугубо конфиденциальной беседы. Артем охотно отреагировал.

Ресторан ему понравился. Руслан Григорьевич – тоже. В ходе уточнения устрицами господин Мухаев сообщил Артему, что у него имеется кое-какая информация о коррупции в нынешней администрации, и предложил поделиться с журналистом данными сведениями для последующего озвучивания в прессе. Эта информация, со слов помощника, имела такой же взрывной характер, как видеокассета о банно-прачечных похождениях одного бывшего министра.

– Что, тоже баня? – уточнил заинтересовавшийся Артем.

– Гораздо, гораздо интереснее, – интриговал Руслан Григорьевич, подкладывая гостю спаржу. – Вы прославитесь на всю Россию, а то и дальше.

– Почему вы обратились именно ко мне?

– Вы талантливы и правдивы.

– Да, это так. Можно еще устриц? Дальше беседа перешла в детовое русло, Руслан Григорьевич пояснил, что информация должна поступить со дня на день, имеется чисто техническая неполадка, но материал обязательно будет передан Артему Вениаминовичу. А пока она ожидается, не может ли Артем Вениаминович за отдельное вознаграждение продать, ой, виноват, предать огласке кое-какие фактики Артем гордо ответил, что он независимый журналист и втемную работать не желает. Такие убеждения

Руслан Григорьевич понял и назвал сумму отдельного вознаграждения. Через две микросекунды Карасев, хорошенько все обдумав, твердо ответил –

– Да.

Когда принципиальная договоренность была достигнута, собеседники испили кофе, выкурили по стомиллиметровой сигарете и, сказав друг другу «Грасиас», расстались.

Для начала Артем взял у кандидата интервью, затем написал о нем глубокую аналитическую статью с элементами драмы.

Затем последовал ряд публикаций, так или иначе направленных на укрепление позиций кандидата. Артем, получая полное творческое удовлетворение, не забывал и об обещанной ему информации. «Да, да, извините, дорогой Артем, – уверял Мухаев, – еще немного, и вы получите материалы. Не сомневайтесь в твердости наших слов».

Артем включил газ, поставил воду, бросил взгляд на штабель грязной посуды в раковине и забитое мусором ведро в углу. Вот она, суровая жизнь репортера, может из человека свинью сделать...

Он подошел к раковине, повернул кран, но приступить к помывке не успел – помешал звонок телефона.

– Артем Вениаминович, здравствуйте, это Руслан Григорьевич. Мы не могли бы сегодня встретиться? Я подготовил вам лекарства, можно приступать к лечению.

– К какому, черт возьми, лечению? – уронил челюсть журналист.

– Но мы же договаривались, Артем Вениаминович.

– А-а-а, – Карасев вспомнил, что Мухаев просил соблюдать конфиденциальность. – Да, я готов.

– Тогда в девять подходите к «Амиго», там вас будет ждать аптекарь в черном костюме. Он вам все объяснит. Постарайтесь, чтобы послезавтра лекарство попало к больному.

– Это невозможно. Я должен все изучить, литературно обработать, отдать редактору, в смысле главврачу, на проверку. В каждой избушке свои погремушки.

– Хорошо, но максимум, что у вас есть, это еще один день, потом лекарство может потерять лечебные свойства. Дорога пилюля к поносу.

– Фу... В девять подъеду. До встречи. Артем положил трубку и вернулся на кухню. Вода в турке закипела, он убавил огонь и засыпал кофе. Опять посмотрел на раковину. Ну не судьба. Делают, делают из человека свинью.

ГЛАВА 5

– Подождите, подождите, где еще вы найдете такую «тачку» за такую сумму? Вы проверьте, проверьте. Крылышки новенькие, стоечки... Подвесочка – конфетка.

– Начинка у вашей конфетки подпорчена.

– Зря, вот это вы зря. Пятьдесят тысяч на счетчике, движок в Германии собран, а у них говна не делают.

– Что, движок не родной?

– Почему не родной? Просто собран в Германии. Берите, берите машину. Завтра ее уже не будет, впрочем, я могу для вас придержать, если решите подумать. Четыре тонны за такую красавицу – это просто даром. Да-ром.

Покупатель покачал головой, уперся в капот, несколько раз качнул машину и, ничего не ответив, отправился дальше.

– Не лох, – кивнув на него, сказал Витька Плахову.

– Может, «бабок» просто нет.

– Не было бы «бабок», суетился бы, меньшевался. Прикидывал бы, где взять. А тут сразу отвалил. Просек, что дерьмовая «тачка».

– Почему?

– Видите, она в тени стоит, а не на солнце. После аварии. И чтобы не менять стоечки, их пластилином обмазали да покрасили из баллончика. Полчаса на солнце, и потечет крыша. Ха-ха... Тут еще и не такие фокусы мастрячат.

– И что, покупают?

– ~ А то. Не будь лохов, не было б и кидал. Плахов еще раз посмотрел на публику автомобильного рынка. Никакого принципиально-го отличия от того же продуктового базара.

Предложения, торги, споры, деньги, суета. Карманники, лохотронщики... В автомобильном ряду девять машин, с виду довольно пристойных. Две иномарки, остальные – наши. Плакатики на лобовых стеклах. Пробег, год выпуска, цена. На травке, в тени воздвигнутого навеса, человек десять продавцов. Как только в глазах посетителя промелькивает хоть искорка интереса, и стайки выскакивает человек и очень располагающим голосом предлагает помощь. Человеку не надо выполнять социалистические обязательства, делать план и соблюдать КЗСЛ. Он работает на себя. Рынок. Надо – спляшет голым на крыше «Жигулей».

Чуть подальше от входа протянулись лавки с запчастями. Наверное, здесь можно купить все, более или менее имеющее отношение к транспорту. Отдельно – автомобильная радиоаппаратура. Постоянный музыкальный фон.

Рынок начинает работу рано, первые продавцы появляются в шесть утра, хотя официальное открытие – в девять.

Игорь, сев на ящик, прислонился к стене. Ночное удалось на славу, поэтому сейчас башка трещала как после трепанации и слипались глаза.

Незатейливый рецепт Виригина от сердечной боли был хорош для таких же незатейливых ситуаций. Плахов же мучился-маялся серьезно. Ночные похождения эту боль притупили, сделал ее из острой ноющей.

Красоток подцепили быстро и без хлопот, благодаря умельцу Виригину. Плахов молчал и изображал грустного героя. «Хата» оказалась притонистого вида, да еще однокомнатной, но все неудобства устранило приворотное зелье. Виригин читал какие-то жлобские стихи, девочки смеялись. Игорь рассказывал страшилки. Ментами не представлялись. Плахов работал железным дорожником, Илья – фальшивым монетчиком.

После – традиционные танцы, традиционные поцелуи-обнимашки, традиционный... В общем, «либе-либе». Сейшн. На душе не просветлело. Правда, и совесть не мучила, когда

утром Игорь пытался вспомнить, как зовут партнершу. Спросил шепотом у Ильи, но тот только загоготал ответ: «Ах, столько, столько сердец разбилось, ах, столько, и сколько их будет, сколько – она не знает сама...»

Перед тем как появиться в отделе, Плахов завернул к своей общаге, принял душ. дернул сто грамм из дежурной бутылки и более-менее пришел в себя.

В отделе нарвался на начальника райуправления Вдовина, заехавшего по каким-то делам.

– Помятый ты какой-то, Плахов.

– Никак нет, товарищ полковник! Ништяк-с.

Ильюха на службе не появился. Игорь для конспирации спросил у сидящих в «красном уголке» оперов из его бригады, где их старший. «Встреча с „барабаном“ у него, после обеда будет».

Отсидев сходку, Игорь собрался с силами, напился воды и пошел на авторынок поболтать с Витькой, знакомым торгашом. Загулы – вещь нужная, даже необходимая, но мокруху раскрывать надо. Не потому, что начальство рано или поздно спросит, а просто потому что надо.

Витька уже ждал на рынке, накануне Плахов по телефону договорился с ним о встрече. Фамилия у Витьки была Монахов, соответственно и кликуха подобралась сама собой: Монах. Витька торговал на рынке мелкой автомобильной чепухой – лейблами для «иномарок», брелоками, игрушками, свечами зажигания. Лоток он ставил не в дальних рядах, а рядом с автомобилями. Человек, только что купивший машину, как правило, сразу становится щедрее и тратит деньги на всякую ерунду типа талисманов на зеркало заднего вида.

Пару лет назад Витька активно практиковал мелкие кражи. С брошенных во дворах «тачек» он снимал эмблемы, дворники, скручивал антенны, которые впоследствии толкал на рынке, но однажды был пойман хозяином «опеля», бит и доставлен в участок.

Плахов, разбирающийся с материалом, понимал, что за подобные кражонки Монахову не дадут даже условно, но мозги парню прочистил. А после сдал Витьку стоявшей за дверью и плакавшей матери.

Семья Монаховых была вполне достойной: отец – кандидат наук, мать – заслуженный педагог. Родители очень переживали случившееся, искренне удивлялись, не желая верить, что их сын, которому ни в чем никогда не отказывали, мог заняться подобными проделками. Мать после этого несколько раз по собственной инициативе приходила к Игорю, докладывая, что сын взялся за ум и ничего подобного впредь не совершит.

Плахов, твердо помнивший оперский принцип, который гласил, что получать информацию надо отовсюду и использовать для этого следует любую возможность, Витьку в покое не оставил и иногда дергал для «консультаций».

Витька тоже пользовался знакомством, так, по мелочам – повесточку выписать на работу любимой девушке, чтобы не уволили, совет юридический получить бесплатно.

Как обычно и бывает в подобных случаях, «консультации» плавно перешли в стукачество, правда в стукачество не явное, а, если можно так сказать, пассивное. Монахов сам никогда не прибегал к Игорю и не сдавал всех налево и направо удовольствия или выгоды ради. Когда у Плахова возникал информационный голод на автомобильную тему, он дергал Витьку и тонко, уклончиво намекал: «У нас, Витенька, вчера „шестерочку“ голубую увели, не знаешь ли ты случайно, кто?» Иногда Витенька случайно знал. Иногда нет. Все знать не может никто.

Сам Монах после влета не приворовывал, пристроился на рынок, а товар ему поставляли малолетки. Та же лейбла для «иномарки» уходила за пятьдесят рэ, торговля приносила определенный доход, и весь риск теперь сводился к умению быстро свернуть столик при появлении на рынке налоговой полиции или ОМОНа. Впрочем, о предстоящих рейдах на рынке знали как минимум за два дня.

Витьке шел двадцать третий, армию благодаря родительским связям он профилонил.

– На прожиточный минимум хватает? – Плахов кивнул на столик с товаром.

- Мало, конечно, а где сейчас другое найдешь?
- Сколько в месяц выходит?
- Когда как, но баксов двести делаю.
- Как и я, даже больше... Ну ладно, я чего от тебя хотел. Ты человек, знающий рынок, может, подбросишь идейку. Слышал про трюки в парадняках?
- Еще бы. Мужики каждый день про это трендят. Кто-то свой фигачит.
К столику подошел молодой парень, покрутил брелок, спросил цену. Двадцать.
- Игорь подождал, пока покупатель рассчитается с Монаховым, затем поднялся с ящика.
- Давай-ка отойдем. Минут на пятнадцать. Неудобно тут, суета. Попроси мужиков баракло покараулить. Ларек за выходом знаешь? Я там жду.
- Витька сменил табличку с угрожающей надписью «В долг и милостыню не даю!» на более мирную «Ушел на базу» и направился следом за Плаховым, озираясь по сторонам, словно опытный шпион.
- Ну и о чем еще мужички трендят? – продолжил тему Игорь в уединенной, секретной обстановке.
- А чего? – Витька сунул в рот сигарету, прикурил. – Все грамотно. «Бабки» на кармане, встретить в подъезде да отбери. Продавцов вон сколько, на кого думать?
- На последнего. На того, кто останется.
- Ну, можно и так, – усмехнулся Монахов.
- Ждать долго, а у меня пенсия скоро. Поэтому соображай, чего я от тебя хочу. С мужичками вашими я, как ты, наверное, знаешь, встречался, не со всеми, конечно. Пытался, как мог, серьезность ситуации объяснить. Еще буду встречаться и еще буду объяснять. Но мужики на откровенность мою плевали и никаких подозрений не имели.
- Понятно, не на того ментовку наведешь, потом вместо машин инвалидные коляски рекламировать будешь.
- Правильно соображаешь. Может, действительно никого не подозревают, но вряд ли. Подозревают и подозрениями делятся. Тьфу, блин, башку ломит.
- Отдыхали, Игорь Романович? Плахов прислонился к ларьку.
- Нет, рейдовали. Ты понял, к чему я?
- Рейдовать вредно. Были, конечно, базары. Есть наметочки, только, Игорь Романович...
- Я тебя умоляю.
- Нас вместе видели. Надо было где-нибудь в другом месте стрелку забить.
- Не дрейфь. Я каждый день тут отсвечиваю и постоянно с кем-то беседую. Не подставляю я тебя, не переживай. Хоть раз подставил когда? Ты от меня ничего плохого не видел. Так что толкуй, какие мыслишки у народа?
- Витька наморщил лоб, не решаясь начать.
- Раз заикнулся, выкладывай. Я ж теперь не слезу. Тут мокрухи, а посему подход жесткий. Захочу – завтра ни тебя, ни твоих пацанов-уродов на рынке не будет. А если придется, весь рынок к чертям собачьим разгоним.
- Вообще-то есть мыслишка... Вы будочку слева от входа видели? Там «тачки» оформляют. Ну, куплю-продажу. Там же покупатель хозяину «бабки» передает, а посредник свою долю получает.
- Витька прервался, раздумывая, не слишком ли он смел в своих предположениях.
- Дальше, дальше, комрад.
- Чувак-то, который справки-счета выписывает, он же все видит. Хозяева «тачек» одни никогда не приходят за «бабками», только с сопровождением, их не очень-то опустишь, а посредника – запросто. Мужики, короче, на этого оформителя грешат. Либо сам, либо сливает кому.
- Что за злодей?

– Прелов, Димой, кажется, звать. Но все его так – Прелый да Прелый.

– Ну и почему на него мужички думают?

– Во все дни, когда стреляли, он работал. И вообще, не любит его народ.

– Ты прям как на выборах. Народ не любит... За что не любит-то?

– Он год назад на рынке появился, сначала тоже посредником работал, потом борзеть начал, клиентов переманивать, цены сбивать, а тут это не принято, не по правилам. Мужички ему раз объяснили, другой. Он их послал. Это тоже не по правилам – посылать. Ну и получил промеж рогов за борзоту. На время исчез с рынка, а потом в конторке появился. По слухам, Матвеев-Пионер, авторитет, который рынок держит, сам туда его пристроил. Смотрящим. А Прелый – говно по натуре, злопамятный. Он еще тогда мужикам грозился.

– Судимый, не знаешь?

– Не спрашивал. Наколки вроде есть.

– С Прелым понятно, проверим. А еще?

– Я больше не знаю ничего, честно. Вам лучше с Мотылем перетолковать. Длинный такой, в белой футболке. Он вроде бригадира, профсоюзного босса, все непонятки решает.

– Он и Пионеру отстегивает?

– Наверное.

– А кто твой налоговый инспектор?

– Вам-то не все ли равно?

– Было б все равно, не спрашивал бы. Мне хотя бы так, факультативно. Кто владеет информацией, тот владеет рынком.

Витька кисло усмехнулся:

– Вашим же и плачу.

– Каким нашим?

– Ментам. На рынке которые.

– Постовым, что ль?

– Видимо. Сержантам. Плахов зевнул.

– Этим можно. Пайковые срезали, санитарно-курортные убрали, кроме почетных грамот, никакого материального интереса. А жрать надо. Да семьи кормить. Согласись, не грамоты ведь женам таскать? А так они мужики хорошие. Ты плати аккуратно, не уклоняйся.

– Уклонишься тут.

– Значит, больше ничего не знаешь... Плохо, Виктор, моя на твою надейся, а твоя мою больно огорчать.

– Я ж говорю, у продавцов своя тусовка.

– Как часто «тачки» уходят?

– Ну, это угадать невозможно. Иногда за неделю ни одной, а бывает, в день по три.

– Ты понял, к чему я это спросил?

– Примерно. Просигналить?

– Именно. По возможности сразу, как только засечешь, кто взял «бабки». Телефон видишь? Из него и просигналишь.

– Тот телефон только жетоны жрет, специально для этого и поставили.

– В общем, найдешь, откуда брякнуть. Поможешь – озолочу. Постовым, по крайней мере, платить не будешь. Да, и по возможности обойдись без рекламы. Молодых людей, жующих «Риглиз», можно встретить где угодно. Лады?

– Мне только рекламы не хватало. И так полрынка косилось, как я за вами уходил.

– Лучше идти за мной, чем со мной. Так и передай, если спрашивать будут. Все, ступай к народу, поход на базу закончен. Жду звонка. Очень жду.

Казино «Голден Бокс», что в переводе с иноземного означает «Золотой коробок», неделю назад радушно распахнуло свои скрипучие двери новоблудскому гегемону. От многочислен-

ных заведений подобного рода, имевшихся почти на всех центральных улицах города и ориентированных на денежных клиентов, «Голден Бокс» отличался тем, что был рассчитан на публику категории «Б», то есть униженных и оскорбленных. Вместо пришедших с Дикого Запада бильярда, рулетки и покера здесь культивировались родные развлечения – «коробок», «колпачки» и «очко». Никаких жетонов не было в помине, на кон ставились живые «бабки» либо вещи. Если у посетителя лишних «бабок» или вещей вдруг не оказывалось, он не чувствовал себя обделенным – ему предлагалось сыграть на щелбаны, которые пробивал специально натренированный «шелкунчик», тихо сидящий в дальнем углу рядом с носилками. При входе в казино гегемона встречала служба безопасности в ватниках, перепоясанных солдатскими ремнями, – пара конопатых рыжих амбалов с не обезображенными интеллектом добродушными мордами. Обстановка радовала глаз нарочитым отсутствием роскоши. Изрезанные ножами игровые столы, закопченный низкий потолок, крашенные стены с ржавыми разводами от тянувшихся вдоль них труб. Крупье – не слащавые мальчишки с бабочками, а разухабистые небритые мужики в потертых пиджаках на голое волосатое тело, сжимающие зубами потухший «Беломорканал» и могущие при случае без лишних церемоний закатать в рожу.

Вместо бара со всякими там виски-мартини – буфетная стойка с греющим душу простоо человека репертуаром: самопальная водяра с мухами, разбавленное пиво, крепленая бормотуха. На закуску – селедочка, соленые огурчики и столовские котлетки. Обязательная ностальгическая табличка: «Помоги, товарищ, нам – убери посуду сам». На эстраде изводил душу баянист, наигрывая шлягеры типа «Степь да степь кругом».

За входом – строгая надпись: «Казино „Голден Бокс“ является частным заведением, и администрация вправе не пускать посетителя без объяснения причин. Посещение казино в галстук не рекомендуется». Рядом с табличкой красовался портрет основателя и содержателя притона-казино – Аркадия Викторовича Боголепова.

Несмотря на злобные выпады скептиков, «Голден Бокс» за первую неделю существования побил все рекорды посещаемости, что и понятно: кто не любит приобщиться к цивилизации? И кому не хочется, находясь в приятной компании гегемонов, небрежно бросить: «Вчера в казино банк сорвал, чисто-конкретно, шикаем, братишки!» Братишки шикавали, поднимая стакан за здоровье нормального мужика Аркаши Боголепова.

Нормальный мужик Боголепов завернул сегодня утром в свое заведение, находясь в скверном настроении. Для начала в автобусе, куда кандидат втиснулся для сближения с народцем, ему резанули карман и увели трубку-телефон. Там же, в автобусе, он увидел передовицу свежего «Новоблудского вестника», являющегося рупором нынешней администрации. Заголовок до крайности взволновал Аркадия Викторовича – забыв про уведенную трубку, он выскочил из общественного транспорта, пересел в ползущий следом джип и велел гнать к «Золотому коробку».

Купив на лотке газету, он зашел в казино, но был остановлен не признавшими хозяина мудаками-охранниками, которые предложили ему снять «селедку», то есть галстук. Рассвирепев, кандидат растолкал дуболомов и поднялся в свой кабинет на втором этаже. Прочитав передовицу, он сунул было руку за пазуху, но, вспомнив, что трубка подарена народу, грязно выругался и принялся давить кнопки стоящего на рабочем столе телефона.

– Муха-бляха! Ты видел? Ты, говорю, сегодняшней «Вестник» видел? Херово, что не видел! Тебе, козлу, кто информацию по бесплатным похоронам слил? А ничего! Слушай вот. «Оценив ситуацию и проведя ряд экономических расчетов, я пришел к выводу, что, начиная со следующего месяца, могу гарантировать малоимущим горожанам, а также пенсионерам похороны за счет городского бюджета. Выбирайте – гарантированные ритуальные услуги или кладбищенский беспредел! Мэр города Новоблудска». Я тебя спрашиваю, кто тебе подсунил идею с похоронами и за сколько? Так... Так... За сколько?! Слушай теперь сюда. Эти вот деньги, которые ты просрал, вернешь в десятикратном размере. За моральный ущерб. Потому что если

помощник лох, то и хозяина считают лохом! Мне мои деньги достаются потом и кровью. Какая разница, чьей кровью, я тебе повыдрючиваюсь! Карасев принес статью? Как нет? Он охренел? Чего резину тянет за яйца? Найди его и напряги. Выборы через две недели! Даю тебе час и жду в штабе.

Боголепов швырнул трубку и мрачно уставился на афишу «Золотого коробка». «Народное казино! Работает круглосуточно. В программе любимые народные игры, стриптиз, дискотека, выступления звезд эстрады. Для женщин вход бесплатный, для остальных – тоже».

Аркадий Викторович, вспомнив что-то, резко вскочил со стула и вышел в зал. Заметив директора заведения, кивком подозвал его к себе.

– Когда стриптиз будет?!

Директор виновато показал на двух мужиков, ползающих по сцене.

– Сцена не готова, Аркадии Викторович. Покрытие плохое, скользкое. Вот как ребята сделают...

– Мне плевать на ребят, понятно? Народу нужен стриптиз! У тебя что, «бабок» нет? Найди нормальных рабочих, а не этих забулдыг. Они уже неделю ковыряются. Чтоб сегодня вечером был стриптиз. Девок нашел?

– Нашел. Первоклассные танцовщицы, работали в лучших стриптиз-барах Европы...

– Стоп! Никакой Европы. Не надо нам слепого копирования заграницы. У нас должен быть свой, русский, народный стриптиз, а не гнущиеся на палках тощие размалеванные обезьяны. Под хрен знает какую музыку! Подбери нормальных, дородных баб, и пускай раздеваются под «Мурку» или «Коробейников».

– Хорошо, попробуем.

– Я вечером заеду, проверю. Не будет стриптиза – заставлю самого раздеваться и «Барыню» плясать.

Окинув придиричивым взглядом свое детище, Боголепов буркнул что-то нечленораздельное и вышел вон.

ГЛАВА 6

Внеплановое совещание оперативного состава района, назначенное на двенадцать, породило среди сотрудников массу разных тревожных слухов, особенно в связи с приездом самого начальника управления внутренних дел Новоблудска и главы районной администрации. Ни тот, ни другой пока не прибыли, и собравшиеся в актовом зале опера в течение пятнадцати минут делились соображениями, сплетнями, травили анекдоты и безвозмездно обменивались оперативной информацией. На трибуне уже заняли свои места районный милицейский шеф Виталий Андреевич Вдовин, начальник розыска Юрий Сергеевич Громов и другие официальные лица – в основном представители различных контрольно-организующе-направляющих служб. Мест на трибуне всем не хватило, ибо численность начальства раза в два превышала численность оперсостава, поэтому руководители разместились на принесенных из кабинета стульях.

Структура внутренних органов Новоблудска была построена по схеме, типичной для большинства городов земли русской, но имела при этом и индивидуальные особенности. Река Блуда, делящая город на два района, делила и милицию на два больших райуправления – Северное и Южное. В каждом райуправлении имелось по несколько территориальных отделов.

Координировал работу Главк, размещающийся рядом с вокзалом на тихой тенистой улочке. Ударной силой Главка являлся штаб, где трудилось порядка трехсот опытных офицеров милиции, умеющих в совершенстве пользоваться калькуляторами, а то и компьютерами, на которых подсчитывались основные милицейские показатели.

Помимо штаба, в управе размещались организационно-аналитический, контрольно-ревизионный, воспитательно-методический и другие не менее важные отделы, где несли вахту еще около пятисот опытных офицеров милиции.

Управление уголовного розыска, к коему относился и Илья Виригин, занимало пять кабинетов на последнем этаже и имело в штате целых пятнадцать человек, включая начальство.

Руководство Главка вполне резонно полагало, что благодаря созданной мощной штабной, контролирующей и направляющей поддержке город должен занимать лидирующее положение в России по части борьбы с преступностью. Но увы. Новоблудск по всем показателям находился на предпоследнем месте, опережая только Чечню. У милицейских начальников это вызвало вполне объяснимый гнев и претензии к подчиненным. «Мы для вас все условия создаем, а вы подводите. Нехорошо это, не по-товарищески и не по совести. Будем всех иметь»

Северным райотделом руководил Вдовин, а Южным – временно никто. Прежний начальник южан плохо кончил и сейчас находился в бегах. Влетел он не по традиционной коррупции, а по весьма редкой статье нового кодекса – из-за хакерства. Дело в том, что основным показателем милицейской работы на протяжении последних пятидесяти лет является раскрываемость преступлений. Вся информация из отделов стекалась в городской информационный центр в виде статистических карточек. Там карточки обрабатывались, сведения заносились в компьютер, который и выдавал соответствующий процент раскрываемости. В зависимости от этого процента раздавались звания, премии, медали и ордена.

Шеф южан пару лет назад, видя, что дела в его райуправлении совсем ни к черту, покумекал и нашел самый простой выход из создавшегося неблагоприятного положения. Договорился с хакером-студентом и стал платить ему из денег на оперативные расходы, а тот, проникая в систему информационного центра, забивал туда нужные цифры.

Через пару месяцев раскрываемость преступлений в Южном райуправлении подскочила с сорока процентов до девяноста, что поначалу не вызвало удивления – шеф для конспирации уволил ряд заместителей, провел несколько показательных рейдов в выходные дни и устроил проверку в отделах.

Еще через месяц на погоны подполковника упала очередная звездочка, его уже не поднимали на совещаниях для вздрючки, и вообще все было прекрасно.

Вдовин, командующий северянами и находившийся ввиду успехов южан в постоянной опале, рвал и метал. Что за чертовщина – он три шкуры спускает с подчиненных, но выше полтинника раскрываемость в его районе не повышается, а у южных третий год под девяното! Что, по ту сторону Блуды менты другие или жулики бестолковые все время попадаются?!

Погорел товарищ полковник по-глупому. Хакер-студент потребовал прибавки к жалованью, а оперативные расходы министерство сократило. Платить из своих шеф не собирался, а потому развел перед юношей руками. Юноша тоже развел руками и слил историю в соответствующие инстанции. Но позиции южан в соответствующих инстанциях были сильны, полковника в последнюю минуту предупредили, и он благополучно избег задержания, убыв через черный ход и прихватив казенный позолоченный чернильный набор и чайник «Мулинекс». До настоящего времени шеф так и не вернулся. Сдавать ментов ментам – последнее дело, и хакера арестовали. Чтоб другим неповадно было.

Вдовин вышел из опалы, получил долгожданного полковника и подумывал о продолжении карьеры. Сегодня он, как и все, с некоторой тревогой ждал приезда высоких гостей, гадая, какого черта они решили навестить район.

Гости тем временем запаздывали. Наконец появился глава администрации, а еще минуту спустя и сам папа со свитой. Стульев не хватило, и заместитель по тылу ринулся из залы в поисках мебели.

Когда все расселись, шеф взял слово. Безумный Макс и Мумий Троль, сидевшие в последнем ряду, поставили тетрисы на паузу.

Для начала генерал напомнил личному составу, какой он раздолбай. В смысле состав, а не генерал. Что таких дармоедов и бездельников еще не видел свет, что в соседнем районе дела гораздо лучше и поэтому надо принимать строгие меры. В районе буйным цветом цветет коррупция, имеют место факты пьянства и утраты удостоверений, от граждан поступают жалобы на отсутствие культуры у сотрудников, в то время как в городе проводится операция «Культурному Новоблудску – культурную милицию». И тому подобные безобразия.

– Игорюх, – шепнул сидящий рядом с Плаховым Виригин, – у меня, кажется, проблемы. По утрам мучительно больно, ну, когда по малому... понимаешь?

– Иди ты! – побледнел Плахов.

– А у тебя как?

– Да хрен его знает, пока вроде нормально. Обычно ведь дня три.

– У меня раньше. Погуляли, блин. А если б я жену... Ну полная засада!

– На фоне общего падения морального духа сотрудников растет пьянство, разврат, грубость, хамство. Сотни граждан, приходя в милицию, покидают ее неудовлетворенными...

– У меня знахарь есть в поликлинике, ничего мужик, – шептал Илья, – но берет много. Стоху.

– Баксов?

– Нет, гульденов. А у меня ни одной заначки. Последнюю с тобой и прогудели. Все из-за тебя – драма, драма... Как чувствовал, что паленые бабы, других надо было снимать. Поймаю, блин, ух...

– А я здесь при чем? Сам кричал – любовь нельзя купить за деньги, но можно купить ее имитацию. Допокупались. Я, может, тоже того... Завтра утречком обрадуюсь.

– Вопиющие факты разгильдяйства, нерадивости, безответственности сплошь и ????? ????? ????? ? ??????????????. ??? ?????????? ?????????? ??????????????(tm) по всем видам преступлений, разгул уличной мафии и наркобизнеса. За что государство должно платить нам зарплату? И я полностью разделяю позицию центра. Не за что!

– Чего делать-то, Игорюх? «Бабки» нужны. Одолжишь?

- Стоху могу. Рублями.
- Что мне стоха? Мало. «Если бы знать, где мне деньги искать...»
- Еще у кого-нибудь займи.
- Время дорого. Запустишь, потом вообще хана...
- Триппер излечим на любой стадии, даже если ноги отсыхать будут. Не переживай, вон у мужиков перехвати до полочки. С полочки отдашь. Что, не люди?
- Они сами в долгах по уши. Бля, может, продаться кому? Здоровье дороже совести. А вдруг там еще что-нибудь намоталось? Вроде СПИДа? Все тогда...
- Безопасный секс, безопасный секс – резину небось в ларьке брал? Это ж «секонд-хэнд».
- Может, материалку подпишут? В связи с тяжелым семейным положением?
- У нас материалку подписывают только на свадьбу либо на похороны.
- Ну хоть подыхай!..
- С учетом сказанного, руководство приняло решение сократить денежное содержание оперативного состава за счет пайковых средств, выделяемых из бюджета, а также временно не предоставлять материальной помощи.
- Чего-чего? – Илья посмотрел на трибуну. – Это сколько ж я теперь получать буду? Стоху баксов в месяц? Лихо, как раз триппак вылечить.
- Зато теперь можешь не подыхать. Объявив о финансовом сюрпризе, шеф со свитой быстро удалился с совещания. Глава администрации сообщил, что в местном бюджете денег нет, и тоже отбыл. Через пять минут в зале остались только опера и Громов
- Красиво развели, – горько усмехнулся он, – вчера у южан кричали, что по сравнению с нами они в говне. Сказали бы прямо: шахтеры бастуют, надо дыры латать, так оно хоть честно. А тут мы же еще и виноваты.
- Сергеевич, как жить-то? Может, на заявки не ездить?
- Не знаю, мужики. Одно могу сказать – держитесь.
- Сколько ж можно? Вон клерков как собак нерезанных, их бы и сокращали.
- Мы опера, мужики...

Не проронив больше ни слова, Громов, опустив голову, будто боясь смотреть в глаза подчиненных, покинул зал.

Игорь вернулся в отдел в начале третьего. Полчаса опера еще сидели в актовом зале, обсуждая новость. Пришли к логическому заключению: себя не прокормишь – государство не прокормит. Насколько искренними были призывы воспользоваться формой и должностью для личных нужд, сказать было нельзя. Для большинства сидящих эти призывы являлись сиюминутной реакцией, выбросом негативных эмоций, на самом же деле это большинство имело внутреннее табу, порог, через который никогда не переступило бы. Насколько ослабло это табу после сегодняшнего события, покажет только время. Если захочет.

Безумный Макс с Мумий Троллем не сильно переживали по поводу урезанных пайков, они находились под родительской опекой, и вряд ли предки дадут им пропасть.

Игорь раскрыл блокнотик, нашел нужного человека, набрал номер. Человек на том конце к телефону не подходил.

Месяц назад человек, некогда проходивший по одному делу в качестве потерпевшего, предложил Игорю дополнительный приработок – охранять по ночам небольшой магазин. Вневедомственная охрана просила слишком много, частные структуры – тоже, а человек хотел сэкономить. Тогда Игорь отказался, но сегодня решил вернуться к разговору, жрать-то, в конце концов, надо, на призывах «держаться» не выедешь. Да и не воровство это, по большому счету...

Едва Плахов повесил трубку, телефон нанес ответный звонок.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.